

INSPIRIA

М А Й Ц З Я

INSPIRIA

Loft. Восточная коллекция

Май Цзя
Расшифровка

«ЭКСМО»

2002

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кит)-44

Цзя М.

Расшифровка / М. Цзя — «Эксмо», 2002 — (Loft. Восточная коллекция)

ISBN 978-5-04-188589-2

Май Цзя – это псевдонимом. «Расшифровка» – дебютная работа бывшего сотрудника разведывательных служб Китая. Китайские спецслужбы в середине 50-х сталкиваются со сверхсложным кодом противника. Настолько сложным, что никому из их криптографов не под силу его расшифровать. Проваливается миссия за миссией. Гибнут люди. А всё из-за того, что перехваченные телеграммы не могут декодировать. Тогда во все уголки страны рассылают агентов в поисках молодых людей, исключительно одарённых в области математики. Так, в университете Нин Чжоу, наконец, находят того, кто способен расшифровать код. Это молодой человек Жун Цзиньчжэнь, у которого в жизни всего три любимых занятия: считать муравьёв, есть пельмени и решать математические задачи. Теперь он завербован в отдел криптографии секретных служб Китая, подразделение 701, где ему поручается взломать неуловимый «Пурпурный код». Что из всего этого выйдет? И кто на самом деле тот таинственный кукловод – создатель кода?

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-188589-2

© Цзя М., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Предисловие. Ответ Ван Дэвэю	7
Часть 1. Начало	9
1	10
2	12
3	15
Часть 2. Продолжение	19
1	20
2	24
3	28
4	32
5	34
6	41
7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Май Цзя Расшифровка

Mai Jia (##)

Decoded (##)

Copyright © 2002 by Mai Jia

Translation Copyright © 2022

© Кремлина О., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Предисловие. Ответ Ван Дэвэю

И вроде тут ничего сложного, а начать все же непросто, мысли путаются. Буквально вчера мой литературный агент, господин Тань Гуанлэй, написал, что гарвардский профессор Ван Дэвэй с факультета Восточной Азии поручил госпоже Диди (журналистке «Нью-Йорк таймс») кое о чем меня спросить. Сама г-жа Диди недавно приезжала сюда, в Ханчжоу, чтобы взять у меня интервью в честь выхода англоязычного издания «Расшифровки». Опасаясь, вероятно, моего невежества и дремучести, Тань особо подчеркнул, что профессор Ван – главный после критика Ся Чжицина специалист по китайской литературе за рубежом. Тань зря беспокоился: я варюсь в литературных кругах без малого три десятка лет и, конечно же, наслышан о знаменитом господине Ване. Мы никогда не встречались и не общались, но я прочел немало его статей и извлек из них много пользы.

Вопрос был задан на английском, но г-жа Диди знает, что я деревенщина, и потому перевела его на китайский:

Господин Май описывает китайский мир шпионов, закрытых данных, секретов. Как он относится к феномену мира «постсноуденовского»? Не живем ли мы все в обществе, где правят бал шпионы, шифры, заговоры и тайны?

Прошу простить мою откровенность: китайский перевод звучит странновато, отдельные слова будто бы не к месту. Впрочем, довольно – вопрос мне понятен. Я даже знаю, почему г-жа Диди обратилась ко мне не напрямую (в конце концов, мы ведь на днях беседовали), а через агента: наверняка она сочла вопрос щекотливым и побоялась, что я уйду от ответа. А может, она просто запомнила меня как человека осторожного, того, кто в ответ на вопрос только улыбнется и ничего не скажет, держит мысли при себе. На самом-то деле я молчу не от осторожности, а от волнения и косноязычия. У меня вообще легкая форма социофобии, а уж когда спрашивают несколько сбивчиво, да еще глядя голубыми глазами с длинными ресницами... Г-жа Диди родилась в Ирландии, а выросла в Гонконге. Гонконг не назовешь идеальным местом для изучения китайского языка; иначе речь г-жи Диди была бы, конечно, куда более ясной и я не был бы так сдержан в разговоре.

К пятидесяти годам человек «познает волю Неба»¹, а мне как раз в этом году исполняется пятьдесят. Чего бояться тому, кто даже волю Неба познал? Живи себе честно, по совести. С открытым сердцем, ничего не тая, я быстро написал ответ. На сей раз передо мной был не человек, а текст, и мою робость и косноязычие как рукой сняло, мысль била ключом, нужные слова находились без труда, и вот уже готов ответ – на целую страницу, как у настоящего болтуна...

Сноуден – дитя Божье (дитя Вселенной), а еще он тот ребенок из сказки про голого короля. Вопрос не в том, что он сделал, а в том, что он, нравится ему это или нет, гражданин своей страны; более того, по роду своего занятия он нес ответственность за безопасность этой страны. Его работа всегда почиталась священным и с точки зрения гражданского долга благородным делом, которому он обязан был отдать все – даже, при необходимости, свою жизнь. Без каких-либо принуждений со стороны он разорвал этот общепринятый договор, отчего его образ гиперболизировался и деформировался, подобно сфинксу: поразительно уродливый и поразительно прекрасный одновременно.

---

¹ Автор цитирует Конфуция. (Здесь и далее, если не указано иное, – примеч. пер.)

Вне всяких сомнений, Сноуден и главный герой «Расшифровки» Жун Цзиньчжэнь – люди одного типа, оба посвятили себя священному делу – защите государственной безопасности, обоих оно преобразило; разница в том, что Жун Цзиньчжэнь, в отличие от Сноудена, считал служение этому делу высочайшей честью и готов был броситься в пламя, чтобы доказать свою преданность. Они как две стороны одной медали, им, стоящим спиной к спине, суждено играть противоположные роли: роль героя и роль заклятого врага.

И Сноуден, и Жун Цзиньчжэнь, и враг, и герой – люди, покинутые Богом. К сожалению, в каждой стране найдется немало таких, как они. Скажем прямо: Сноуден показал нам уродливую сторону не только Соединенных Штатов, но и всего нынешнего мира. Мир захватили технологии, и я безрадостно размышляю о том, что любая страна, будь у нее технические возможности, занялась бы тем же, что и Америка. Технологии сделали нас всемогущими и в то же время уязвимыми, хрупкими. Они, сотворенные ветром чудища, сужают мир до размеров кнопки: нажмешь ее, и все живое вплоть до последнего муравьишки исчезнет с лица Земли. В нынешнюю эпоху конфиденциальность, быть может, стала роскошью – в конце концов, Бог наделил нас инстинктом самосохранения. А значит, выбора у нас нет, остается лишь жить «в обществе, где правят бал шпионы, заговоры и тайны».

Я не буду, поставив себя на место Жун Цзиньчжэня, насмехаться над Сноуденом; я не собираюсь, приняв сторону Сноудена, презирать Жун Цзиньчжэня. Мне жаль, что нельзя быть просто сыном Вселенной, но я счастлив быть сыном Литературы: никакое иное ремесло не приближает человека к Богу так, как писательство. Оно раскрыло меня и придало мне смелости; Всевышний рядом, и я не боюсь говорить с дьяволом. Знаете, если бы в мире не было литературы, искусства, религии, философии, всего нашего духовного наследия, передаваемого из поколения в поколение, чудища, что зовутся «технологиями», давно бы погубили нас или превратили в стадо динозавров, толпу зомби, существ, что могут лишь сжигать в огне, но не способны зажечь огонь ни в единой душе; это был бы мир, где слышны шаги, но не слышно биения сердца; где льется кровь, но не льются слезы; где есть ненависть, но нет любви; где умеют воевать, но не умеют мириться; где научились менять, но разучились хранить... Искусство (во главе с литературой) для человека все равно что весна для цветка, дено и ночно оно смягчает наши сердца, насыщает души, под его воздействием взгляды становятся шире, чувства – тоньше, нравы – добрее; благодаря ему чудища-технологии пока еще не одичали.

Не знаю, останется ли профессор Ван доволен моим ответом. Думаю, да: он преподает литературу, а я отношусь к ней с великим пиететом и, отвечая, не забыл о красоте слога. Но клянусь – Всевышний рядом, и я готов поклясться перед Ним: я не лгу и не ищу ни малейшей выгоды. Я убежден, что честность перед Богом важнее одобрения профессора Вана.

17 янв. 2014 г.

Ханчжоу

Часть 1. Начало

Еще с детства она была умнее других, и особенно хорошо ей давалась математика. В одиннадцать лет она поступила в колледж, а в двенадцать уже вычисляла в уме быстрее, чем другие на счетах, так ловко, что люди дара речи лишались от изумления – ты только сплюнуть успел, а она уже помножила и поделила друг на друга пару четырехзначных чисел. Один слепец, из тех, что предсказывают судьбу по форме черепа на ощупь, сказал ей, что у нее мозг простирается до самого кончика носа и что такие чудо-люди рождаются лишь раз в несколько столетий.

1

Человека, который в 1873 году покинул Тунчжэнь на черной лодке с навесом и отправился на Запад учиться, знали как самого младшего из седьмого поколения знаменитого цзянаньского рода Жун, торговцев солью, по имени Жун Цзылай; но когда он приехал на Запад, он стал называться Джоном Лилли. Позже люди говорили, что именно благодаря этому малому запах сырого солончака, поколениями исходивший от рода Жун, сменился на тонкий аромат книжных страниц, а семья получила репутацию патриотов. Конечно, ничего бы этого не случилось без его путешествия на Запад. Но в то время семья посылала его за границу вовсе не за тем, чтобы менять родовой запах, а для того, чтобы продлить жизнь бабушке.

В молодости она отлично справлялась с ролью матери – родив и вырастив за несколько десятков лет девять сыновей и семь дочерей. Все ее дети трудились в поте лица ради процветания рода Жун и добились успеха, а потому в семейной иерархии бабушка занимала высочайшее положение. Благодаря заботе детей и внуков бабушкина жизнь была долгой – но отнюдь не спокойной: загадочные, запутанные сновидения мучали ее по ночам так, что она кричала во сне, точно ребенок, и даже днем не могла избавиться от страхов. Старушку терзали кошмары, в которых ее большое семейство и сложенные горкой белоснежные слитки серебра превращались в неподъемную ношу, и огонек душистой свечи то и дело подрагивал от ее пронзительных криков. Каждое утро к ним домой приходили знающие люди, толкователи снов, и со временем среди них нашлись и те, кто выказывал незаурядные способности.

Среди всех толкователей бабушка особенно выделяла одного молодого иностранца, которого лишь недавно занесло в Тунчжэнь. Он не только безошибочно расшифровывал скрытые во снах старушки знаки и смыслы, но и проявлял дар ясновидения, и даже мог влиять на ее сны. Вот только из-за молодости толкователя мастерство его было каким-то ненадежным; старики таких, как он, зовут желторотиками. Сны он толковал довольно точно, а вот с предсказаниями выходило не так гладко, нередко он попросту попадал пальцем в небо – угадал так угадал, промахнулся так промахнулся. И если со сновидениями первой половины ночи он еще как-то справлялся, то с кошмарами, которые приходили следом, особенно со снами во сне, он уже ничего не мог поделать. Он и сам признавал, что никогда не утруждал себя как следует выучиться у деда его ремеслу, хватал по верхам, не всерьез, так и остался любителем. Однажды бабушка отодвинула при нем настенную панель – стена за панелью была выложена серебряными слитками – и попросила привезти к ней этого деда, но получила отказ. Во-первых, объяснил Иностранец, дед его давно утратил интерес к деньгам – впрочем, он и так не бедствовал, а во-вторых, старик уже в том возрасте, когда пугает одна мысль о том, что придется отправляться в такую даль. И все же он подсказал бабушке один способ: послать кого-то из семьи к деду на обучение.

Раз старик не мог приехать сам, другого выхода, кажется, не было.

Оставалось лишь найти среди многочисленной родни того, кто идеально подошел бы на эту роль. Этот человек должен был отвечать сразу двум требованиям: быть почтительным к старшим, готовым ради бабушки пройти огонь и воду; быть умным и сметливым, способным за короткое время в совершенстве освоить сложную науку толкования снов. Кандидаты отсеивались один за другим, и наконец выбор пал на двадцатилетнего внука Жун Цзылая. Так и начались его странствия. За пазухой у него лежало рекомендательное письмо от Иностранца, а на плечах – ответственность за спокойную бабушкину жизнь; и день и ночь в пути, он направлялся к мастеру на обучение. Месяц спустя, когда Жун Цзылай переправлялся на пароме через Тихий океан, на море разыгрался шторм. В ту ночь бабушке приснилось, что паром идет ко дну, а вместе с ним тонет и внук. Старушке снилось, что от горя у нее остановилось дыхание, и от этого она и в реальности, а не только во сне, перестала дышать. Больше она уже не про-

сыпалась. Пройдя долгий трудный путь, Жун Цзылай добрался наконец до Учителя и почтительно протянул ему рекомендательное письмо. Учитель протянул ему другое письмо в ответ – так Жун Цзылай узнал печальную весть о смерти бабушки. Письма странствуют куда быстрее людей, а кто быстрее, тот, конечно, и добирается первым.

Учитель внимательно посмотрел на чужеземца из далекого края. Взгляд старика был острым, как стрелы – хоть птиц с неба сбивай. Казалось, он был вовсе не против взять на закате дней нового ученика. Жун Цзылай, однако, думал совсем иначе: раз бабушка умерла, постигать ремесло смысла уже не было; поблагодарив старика, он стал собираться домой. Он уже готовился к отъезду, когда встретил в университетском городке, где жил мастер, одного соотечественника, и тот взял его с собой на лекцию. После этого Жун Цзылай передумал уезжать. Он понял, что может многому здесь научиться. Он остался постигать науки с тем соотечественником, днем они вместе с одним славянином и турком ходили на лекции по математике, изучали геометрию, решали уравнения, вечером слушали музыку в компании поклонника Баха. Уйдя с головой в учебу, он не заметил, как пролетели годы – к тому времени, когда он опомнился и стал снова собираться на родину, прошло уже семь весен. Ранней осенью 1880 года корабль, на борту которого были Жун Цзылай и несколько десятков бочек со свежесобранным виноградом, отправился в родные края. Когда настали холода и виноград в трюме превратился в вино, Жун Цзылай наконец добрался до дома.

Как говорили сами тунчжэньцы, за семь лет в роду Жун ничего не изменилось. Семейство Жун было все тем же семейством Жун, торговцы солью по-прежнему торговали солью, все так же процветали и все так же богатели. Единственная перемена заключалась в вернувшемся с Запада юнце – а впрочем, теперь он был уже не таким юным. Он обзавелся крайне странной фамилией – Лилли. Джон Лилли. И это была не единственная его причуда: так, он обрезал косу, вместо халата носил жилет, любил выпить алое, как кровь, вино, вставлял порой в речь диковинные слова из какого-то птичьего языка. Еще удивительнее было то, что ему стал невмоготу соляной запах. Стоило ему оказаться на причале или в лавке, где этот запах бил в нос, его тут же мучило, бывало и такое, что он начинал плевать. Потомок соляной династии не выносил соляной запах! Это было не то что странно, а даже как-то зазорно. Жун Цзылай, правда, сам объяснил, в чем тут дело: пересекая Тихий океан, он упал за борт и до полусмерти наглотался губительной соленой воды. Случай этот так повлиял на него, что с тех пор во время путешествия ему приходилось класть в рот пригоршню чайных листьев, чтобы хоть как-то перебороть тошноту. Объяснил-то объяснил, только как же тому, кого воротит от соляного запаха, наследовать отцовское дело? Не будешь же каждый день ходить с чайными листьями во рту.

Поначалу и впрямь выходило не слишком гладко.

К счастью, отправляя внука на обучение, бабушка уже тогда решила в награду за почтительность отдать ему, когда он вернется, серебряные слитки в стене. С помощью этих слитков Жун Цзылай и открыл впоследствии в административном центре, городе Ч., самое настоящее училище – *Колледж Лилли*.

Так началась история знаменитого в свое время университета Н.

2

Университет Н. прославился еще в бытность свою Колледжем Лилли.

Первым ему принес известность сам Лилли, совершив неслыханный поступок – открыв двери колледжа для женщин. Эта новость наделала немало шума, моментально сделав колледж знаменитым. В первые годы своего существования колледж был местной диковинкой, и каждый, кто приезжал в этот город, непременно отправлялся туда – походить, поглядеть, полюбоваться; это стало чем-то вроде визита в публичный дом. В ту консервативную эпоху учебное заведение могли сровнять с землей лишь за то, что в него приняли хоть одну студентку. Колледж, однако, избежал этой участи, и, хотя домыслов на этот счет было немало, самой правдоподобной кажется версия, которая опирается на родословную книгу семьи Жун. Как можно догадаться по записям, первыми студентками колледжа стали девушки из рода Жун. Да, мол, мы губим собственных дочерей, вам-то какое дело? В геометрии это называется «внешнее касание окружностей» – окружности соприкоснулись, но не пересеклись, мячик для пинг-понга коснулся края стола, но был пойман в последний момент. Колледж Лилли успешно выстоял под напором критики. Ребенок плачет, когда его ругают, но все же растет и взрослеет – вот и колледж, как его ни ругали современники, выдержал все удары.

Второй человек, прославивший колледж, тоже носил фамилию Жун. Старший брат Лилли в шестьдесят лет привел в дом наложницу, и та родила ему ребенка. Это была девочка, и она, таким образом, приходилась Лилли племянницей. Вида она была благородного, с большой, круглой головой, вовсе не забитой обычными девичьими глупостями, а наоборот, на редкость светлой. Еще с детства она была умнее других, и особенно хорошо ей давалась математика. В одиннадцать лет она поступила в колледж, а в двенадцать уже вычисляла в уме быстрее, чем другие на счетах, так ловко, что люди дара речи лишались от изумления – ты только сплюнуть успел, а она уже помножила и поделила друг на друга пару четырехзначных чисел. Хитроумные математические головоломки она щелкала как семечки, так что собеседники даже разочаровывались, думая, что она просто заранее знала верный ответ. Один слепец, из тех, что предсказывают судьбу по форме черепа на ощупь, сказал ей, что у нее мозг простирается до самого кончика носа и что такие чудо-люди рождаются лишь раз в несколько столетий. В семнадцать она вместе с двоюродным братом поехала на учебу в Кембриджский университет. Как только пароход вошел в туманную лондонскую гавань, двоюродному брату, который любил слагать стихи, вдруг захотелось выразить чувства в поэтических строках, и он продекламировал в завесу тумана:

*По могучим волнам морским
Прибыл я в Британию!
Британия,
Британия!
Туманам не скрыть твоего величия!..*

Его звучный голос разбудил девушку. Кинув заспанный взгляд на золоченые карманные часы, она объявила:

– Мы добирались тридцать девять дней и семь часов.

И двоюродные брат с сестрой снова вернулись к своей привычной забаве – он начинал фразу, а она заканчивала:

– Тридцать девять дней семь часов – это...

– Девятьсот сорок три часа.

– Девятьсот сорок три часа – это...

- Пятьдесят шесть тысяч пятьсот восемьдесят минут.
- Пятьдесят шесть тысяч пятьсот восемьдесят минут – это...
- Три миллиона триста девяносто четыре тысячи восемьсот секунд.

Эта игра была частью жизни двоюродной сестры. Люди воспринимали ее как ходячие счеты, забавную и иногда полезную диковинку. Игра привела и к тому, что удивительные способности проявились в полной мере, и со временем окружающие один за другим стали называть девушку не по имени, а по прозвищу – Счеты, или Абак. Из-за большой головы кое-кто звал ее Большеглавой Абак. На самом деле ни на одном абаке не посчитаешь так, как умела считать она. Казалось, она собрала в себе все навыки, которые род торговцев Жун накапливал из поколения в поколение, пока наконец количество не перешло в качество.

В Кембридже к ее прежним талантам добавились новые, например, способность к иностранным языкам: пока другим приходилось через силу зубрить, ей достаточно было поселиться в одной комнате со студенткой-иностранкой, и все тут же шло как по маслу. Этот прием она применяла не раз и не два: почти каждый семестр она находила себе новую соседку по комнате и к концу семестра овладевала очередным языком, притом говорила на нем ничуть не хуже соседки. Конечно, в самом способе изучения языков не было ничего необычного – им кто только ни пользуется. Необычайным был результат. Через несколько лет она уже говорила на семи языках и на каждом из них могла свободно читать и писать. Однажды на кампусе к ней подошла девушка с седыми волосами и о чем-то ее спросила, но она не поняла ни слова. Она попробовала заговорить с иностранкой на семи известных ей языках, но безрезультатно. Позже, выяснив, что девушка только что приехала из Милана и не говорила ни на каких языках, кроме итальянского, она предложила той стать ее соседкой по комнате в новом семестре. В том же семестре она начала проектировать Математический мост Ньютона.

Математический мост, одна из главных достопримечательностей студенческого городка, состоит из 7177 разных по размеру деревянных балок. Эти балки скреплены друг с другом в 10 299 местах, и, если бы каждую из них держал хоть один гвоздь, потребовалось бы 10 299 гвоздей. Однако Ньютон все гвозди выбросил в реку; мост, это математическое чудо, он построил без единого гвоздика. Многие годы лучшие студенты-математики Кембриджа пытались раскрыть тайну Ньютонова моста – другими словами, создать на бумаге такой чертеж, который в точности бы копировал его конструкцию. Никому это не удавалось. В большинстве случаев их конструкциям было не обойтись без тысячи с лишним гвоздей, и лишь немногим удавалось уложиться в тысячу. Рекорд держал один исландец, которому удалось спроектировать мост всего с 561 гвоздем. Научное сообщество Ньютонова моста во главе со знаменитым математиком и доктором наук Педро Аймаром объявило: тому, кто сможет побить этот рекорд, пусть даже на один гвоздик, сразу будет присвоена докторская степень. Именно так двоюродная сестра и стала доктором математических наук: ее мосту требовалось всего 388 гвоздей. На церемонии присвоения степени она произнесла благодарственную речь на итальянском – пожив в одной комнате с миланкой, она уже освоила этот язык.

Это было на пятом году учебы в Кембридже, ей тогда исполнилось двадцать два.

На следующий год ради встречи с ней в Кембридж приехали два брата, мечтавшие помочь человечеству взмыть в небеса, и вслед за их мечтами и планами она отправилась в Америку. Спустя два года на отмелях Северной Каролины был запущен в небо первый в мире самолет. В самом низу у него стояла серебристо-серая гравировка: имена главных создателей, проектировщиков, даты. Четвертая строка гласила:

Проект крыльев:

Абак Жун-Лилли,

Китай, г. Ч.

Та, что за границей называла себя Абак Жун-Лилли, в родословной книге своей семьи была записала под именем Юин из восьмого поколения рода Жун. А те, кто увезли ее тогда из Кембриджа, были самими пионерами авиации – братьями Райт.

Самолет вознес к небесам славу двоюродной сестры, а двоюродная сестра возвысила до небес славу родного колледжа. После Синьхайской революции двоюродная сестра, предвидя возрождение Китая, решительно, даже ценой длившегося несколько лет брака, вернулась на родину, где заняла должность декана математического факультета Колледжа Лилли. Точнее, к тому времени он уже носил имя «Университет Н.». Летом 1913 года университет посетил Педро Аймар – председатель научного сообщества Ньютонова моста и известный математик. Он привез с собой модель Математического моста, построенную с помощью трехсот восьмидесяти восьми гвоздей по тем самым чертежам двоюродной сестры. После этого университет Н. стал еще знаменитее, так что, можно сказать, профессор Аймар был третьим человеком, который его прославил.

В октябре 1943 года пришли японские черти, и университетский кампус запылал в огне войны. В этом варварском глупом пожаре сгорело и подаренное Педро Аймаром сокровище, модель Ньютонова моста в масштабе 1:250; а та, что спроектировала мост, к тому времени давно умерла – двадцать девять лет назад, на второй год после визита профессора Аймара. Ей не было и сорока.

3

Двоюродная сестра, она же Жун Юин, она же Абак Жун-Лилли, она же Большеглавая Абак, умерла на акушерской кровати.

С тех пор прошло много лет, почти все, кто присутствовал при ее смерти, сами давно почили, но история об этих тяжелейших родах, подобно преданию о страшной битве, передавалась из поколения в поколение, постепенно обретая, словно чэньюй², свою отточенную, каноническую форму. Это было поистине душераздирающе: роженица кричала до хрипоты два дня и две ночи, в узких коридорах больницы стоял густой запах крови, и даже на улице пахло кровью. Врачи перепробовали все, что можно, от самых прогрессивных для того времени методов до народной медицины, но черная головка младенца все никак не показывалась. За дверью палаты собиралось все больше и больше людей: семейство Жун, семейство Линь – родственники отца ребенка. Постепенно толпа стала редеть, пока в конце концов не осталась только пара служанок. Даже самых стойких ужаснули муки долгих и тяжелых родов, когда радость появления новой жизни неминуемо омрачается страхом смерти. Мучительно, беспощадно время снова и снова переписывало судьбу, меняя местами жизнь и смерть. Старик Лилли появился в коридоре последним, последним он и покинул пост, бросив перед уходом:

– Это либо император рождается, либо сам дьявол.

– Вряд ли он родится, – сказал доктор.

– Родится.

– Не родится.

– Вы ее не знаете, она необыкновенный человек.

– Я знаю женщин. Тут только чудо поможет.

– Она как раз и творит чудеса!

Договорив, старик Лилли собрался уходить.

Врач загородил ему дорогу:

– Вы в больнице, вы слушайте, что я говорю! Что делать, если не родится?

Старик Лилли на мгновение потерял дар речи.

– Кого спасать, мать или ребенка? – не отступал врач.

– Конечно, мать, – твердо ответил Лилли.

Но какой вес у слов старика перед злой судьбой? Прошла еще одна мучительная ночь, и на рассвете обессиленная роженица потеряла сознание. Врач обтер ее ледяной водой, чтобы вывести из обморока, вколол двойную дозу стимулятора и приготовился к последней попытке. Он твердо решил, что, если и в этот раз ничего не получится, придется пожертвовать младенцем ради спасения матери. Но вышло наоборот: когда роженица, собрав последние крохи сил, отчаянно закричала, у нее вдруг лопнула печень. Так ребенок, жизнь которого уже висела на волоске, появился на свет из раскрытого живота матери.

Ребенок получил драгоценное право рождения в обмен на жизнь матери, и как только это произошло, всем сразу стало понятно, в чем крылась причина столь тяжелых родов. Увидев младенца, врачи остолбенели – настолько его голова была шире плечиков! По сравнению с головой сына голова матери казалась почти обычного размера. Учитывая, что матери было почти сорок лет и большеголовый сын был ее первенцем, вряд ли у нее вообще оставался шанс выжить. Как же все странно в этом мире! Женщина, способная поднять в воздух железную машину весом в несколько тонн, не смогла управиться с куском плоти в собственной утробе.

---

² Чэньюй – устойчивый оборот, мудрое изречение, состоящее, как правило, всего из четырех иероглифов. Многие чэньюй берут начало в китайской классической литературе.

Семья Линь назвала мальчика как полагается: и взрослым именем, и детским³, и прозвища дала, так что ребенок получил сразу несколько имен с иероглифом «Линь». Но со временем оказалось, что все они бесполезны: огромная голова и жуткая история появления на свет наградили его звонкой кличкой – Большеглавый Бес.

Большеглавый Бес!

Большеглавый Бес!

Так его звали, и кличка подходила ему как нельзя лучше.

Бес!

Бес!

И свои, и чужие так его звали.

И стар и млад так его звали.

И подумать только – дозвались до того, что Большеглавый Бес и вправду вырос бесом, страшным, порочным дьяволом. Прежде семья Линь считалась одной из самых богатых в городе, их дома и лавки занимали целую улицу длиной в десять ли. Но с тех пор, как подрос Бес, эта улица стала укорачиваться: семье приходилось тратить деньги направо и налево, чтобы вытаскивать Беса из передраг. В конце концов одна свирепая шлюха подслала к нему бандита с ножом. Если бы его тогда не зарезали, семья Линь, возможно, и вовсе осталась бы без крыши над головой. Говорили, что Бес еще в двенадцать лет пошел по кривой дорожке. Умер он в двадцать. За неполный десяток лет он стал замешан в десяти с лишним убийствах и успел развлечься с сотнями женщин. Из денег, которые тратила по его вине семья, можно было сложить целую гору, ими можно было устлать дороги. Женщина-гений, принеся столько пользы человечеству, достойная того, чтобы память о ней передавалась из поколения в поколение, оставила после себя злого, скверного сына-преступника – кто мог такое предвидеть!

Вскоре после смерти Беса, когда семейство Линь только-только вздохнуло посвободнее, в их доме вдруг объявилась таинственная незнакомка. Женщина была не из местных. Увидев главу семьи Линь, незнакомка без лишних слов упала на колени и, показывая на едва выпирающий живот, заголосила: это, мол, ваше отродье! Конечно, Бес за свою жизнь соблазнил столько девок, что, если их всех переправлять через реку, потребуется несколько лодок; однако, рассуждали про себя Лини, никто до сих пор не заявлялся к ним с выпирающим животом. Подозрительным казалось и то, что незнакомка приехала из другой провинции. Обозлившись, Лини пинком выставили ее за дверь. Уверенная, что из-за пинка плод в утробе не выживет, женщина думала, что оно и к лучшему, но, вопреки ожиданиям, больно было везде, кроме живота. Она несколько раз свирепо ударила по животу кулаком – никакого эффекта. Тогда она села на землю посреди улицы и зарыдала. Ее окружили зеваки. Наконец кто-то пожалел ее и посоветовал сходить в университет Н., попытать удачи, как-никак, там тоже родня Беса. Пошатываясь от боли, женщина поплелась в университет. Там она упала на колени перед стариком Лилли. Правдолюб и порядочный человек, старик Лилли отдавал всего себя делу просвещения и жил в ладу с принципами и традиционной, и современной морали; он не прогнал женщину, а наоборот, поручил своему сыну Жун Сяолаю (люди прозвали его Лилли-младшим) тайком отвезти ее к себе на родину, в Тунчжэнь.

На первый взгляд положение Жунов в Тунчжэне не изменилось: родовое поместье по-прежнему занимало полгорода, их дома и лавки встречались на каждом шагу, сами они держали себя по-старому, но на дверных проемах и загнутых уголках крыш уже кое-где облупилась краска – признак упадка, след перемен. Отчасти виной тому был колледж старика Лилли. Молодые члены семьи один за другим уезжали в административный центр на учебу, и мало кто из них возвращался, чтобы унаследовать семейное дело. Да и времена изменились – правительство прибрало к рукам соляной промысел, и денежный поток Жунов иссяк. Впрочем,

---

³ Неофициальное имя, использующееся в кругу семьи.

большинству из них, тем, кто вырос под влиянием старика Лилли, было все равно – иссяк так иссяк: они почитали науку, стремились познать истину, не мечтали о богатстве и роскоши, и их мало волновало, хорошие или скверные времена переживает семейное дело и растет ли прибыль.

В последние десять лет упадок семьи Жун стал еще заметнее, и, хотя никто не говорил в открытую о причине, она висела у всех на виду, прямо на главных воротах – табличка с четырьмя крупными золотыми иероглифами: «ЗА ПОМОЩЬ СЕВЕРНОМУ ПОХОДУ»⁴. А появилась табличка так: когда войска Северного похода дошли до города Ч., старик Лилли, увидев, как его студенты выходят на улицы, чтобы собрать для армии пожертвования, был до того растроган, что тем же вечером вернулся в Тунчжэнь, продал унаследованную от предков пристань и половину лавок на торговой улице, купил оружие, боеприпасы, погрузил их на корабль и отправил на подмогу армии. За этот поступок ему пожаловали табличку, и семья Жун обрела репутацию патриотов. Однако вскоре Национальное правительство объявило автора каллиграфической надписи на табличке, знаменитого военачальника, преступником в розыске. Табличка изрядно потускнела. Позже по приказу правительства была изготовлена новая табличка, с теми же золотыми иероглифами, но уже в другом исполнении. Семье Жун велели снять старую и повесить на ее место новую. Старик Лилли наотрез отказался. Так у Жунов возникли разногласия с правительством, после чего о процветании семейного дела можно было, конечно, забыть. Но, несмотря ни на что, табличка продолжала висеть на прежнем месте. Старик Лилли заявил: пока он жив, никто не посмеет ее снять.

Семье оставалось лишь вновь и вновь покоряться невзгодам.

Усадьба Жунов, прежде шумная, многолюдная, где молодежь и старики, мужчины и женщины, хозяева и слуги жили бок о бок, теперь опустела, затихла, стариков стало гораздо больше, чем молодых, женщин больше, чем мужчин, слуг больше, чем хозяев, словом, в доме «нарушилось равновесие инь и ян, и человек не в ладах с небом». С тех пор, как обитатели дома, особенно юные и шумные, разъехались, двор казался большим и голым, птицы вили на деревьях гнезда, пауки плели у дверей паутину, тропы зарастали травой, куры померли, декоративные горки превратились в настоящие холмы, сад одичал, задний двор уподобился лабиринту. Когда-то дом Жунов был изящным эссе, глубоким и стилистически отточенным, теперь же он представлял собой небрежный черновик, местами очень удачный, но требующий тщательной редактуры. Однако это место как нельзя лучше подходило для того, чтобы спрятать несчастную безымянную деву.

Но сперва Лилли-младшему предстояло убедить старшего брата и его жену принять гостя. Из седьмого поколения Жунов в живых остался один старик Лилли, и тот жил в другом городе; полноправными хозяевами дома считались старший сын Лилли с женой. Брат, человек в годах, оглохший, после инсульта не вставал с постели, и фактически влияния у него было не больше, чем у говорящей мебели, вся власть давно перешла в руки жены. Если беременная и правда вынашивала отродье Беса, это отродье приходилось супругам троюродным внуком или внучкой. Но Лилли-младшему не хотелось усложнять дело и нарываться на неприятности. Вспомнив, что невестка в последнее время ушла с головой в религию, он решил зайти с другого бока. Он привел беременную в молельню и там, среди вьющихся дымок благовоний, под тихий стук деревянной рыбы⁵ завел с невесткой разговор.

– Кто это? – спросила она.

– Одна безымянная.

– Говори быстрее, зачем пришел. Я читаю сутру.

⁴ Поход Национально-революционной армии Китая (под руководством Чан Кайши), целью которого было объединение страны под властью Гоминьдана – «Национальной партии» (1926–1928 гг.).

⁵ Деревянный барабан в виде рыбы, используется во время чтения буддийских молитв для поддержания ритма.

– Она беременна.

– Я тебе кто, лекарша? Я тут при чем?

– Она поклоняется Будде, выросла в буддийском монастыре, никогда не была замужем.

Под Новый год отправилась поклониться священной горе Путошань⁶ и на обратном пути поняла, что беременна, верите?

– Если верю, то что?

– Тогда пустите ее у вас пожить.

– А если не верю?

– Тогда мне придется выставить ее на улицу.

Невестка провела в сомнениях бессонную ночь, но Будда так и не подал ей знак; и только в полдень, когда Лилли-младший притворился, что прогоняет женщину, невестка вдруг решилась:

– Пусть остается. Будда Амитабха.

---

⁶ Место паломничества буддистов в Китае.

Часть 2. Продолжение

Все эти годы я исследовал его необыкновенный ум, точно открывал для себя новую, неизвестную землю, трепеща и изумляясь. Он несколько нелюдим и холоден в общении, но в остальном – точная копия бабушки, они с ней похожи как две капли воды. Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры – и я переверну Землю». Я уверен, что этот ребенок – именно такой человек.

1

Проездив два отпуска по южным железным дорогам, расспросив знающих людей – пятьдесят одного человека, большинство из которых были стариками, изучив материалы на миллион с лишним иероглифов, я, наконец, начал работу над этой книгой. Время, проведенное на юге, помогло мне понять, что же такое юг. Когда я приехал туда, все мое тело точно заулыбалось каждой порой, сладостно задышало, разнежилось, похорошело, даже волоски на теле, прежде торчащие как попало, словно бы воспрянули и еще больше почернели. Так что несложно понять, почему я решил писать роман именно там. Удивительнее то, что с тех пор, как помещалось место, изменился и мой стиль письма. Я отчетливо ощущал, как теплый и влажный климат помогает мне писать, я делал это не с трудом, как обычно, а смело и терпеливо, и в этом климате моя история разрасталась пышно, как южные растения. По правде говоря, главный герой этой истории пока так и не появился, но совсем скоро он покажется. В каком-то смысле, он уже тут, просто мы его пока не видим, так же, как не видим первые ростки, которые пускают семена в сырой земле.

Надо сказать, что двадцать один год назад, когда женщина-гений Жун Юин в страшных муках родила Беса, никто и подумать не мог, что подобная сцена может повториться. Но прошло несколько месяцев после того, как Безымянная поселилась у Жунов, и на ее голову обрушилось то же испытание. Безымянная была молода, она кричала звонче, и этот пронзительный звук рассекал воздух, как нож, метался по уединенному двору, пригибал дрожащие огоньки свечей, и даже у глухого старшего брата от ее крика душа уходила в пятки. Повитухи приходили и уходили, уходили и приходили, одна за другой, одна за другой, и каждая, уходя, несла на себе густой запах крови, вымазавшись в ней, точно палач. Кровь капала с кровати на пол, струйкой сбегала во двор, упрямо текла дальше, по щелям в брусчатке, к кустам химонанта. Кустарник был хилый, рос как придется, но той зимой он вдруг расцвел дважды – оттого, по слухам, что напился человеческой крови. К тому времени, как зацвел химонант, душа Безымянной давно уже покинула тело и, быть может, превратилась в неприкаянного духа.

Очевидцы твердили в один голос: то, что Безымянная смогла родить, уже чудо; а если бы она и сама при этом выжила, это стало бы просто небывалым чудом, чудом из чудес. Но чуда из чудес не случилось – родив ребенка, лежащая в кровавой луже Безымянная испустила дух. Чудеса из чудес свершаются не так часто – как-никак, человек состоит из плоти и крови. Дело, в общем, не в этом, а в том, что, отмыв лицо ребенка от крови, люди остолбенели: от макушки до пяток младенец был точной копией Беса – те же густые черные волосы, огромная голова, все абсолютно такое же, вплоть до черной родинки в форме полумесяца на попе. Обман Лилли-младшего раскрылся. Внушающий трепет и благоговение получеловек-полубожество в одно мгновение превратился в порочного злого беса. Если бы ребенок не напомнил невестке ее родственницу Большеглавую Абак, пожалуй, даже эта милосердная буддистка вышвырнула бы младенца на улицу. Другими словами, в ключевой момент, когда решалось, избавиться от ребенка или все же оставить, именно его узы с бабушкой спасли ему жизнь и оставили его в усадьбе Жунов.

Хотя ребенок выжил, он не унаследовал ни знатного происхождения Жунов, ни фамилии с именем. Долгое время его звали Чертом. Однажды мимо домика для прислуги проходил иностранец; двое слуг, пожилые супруги, которым поручили растить Черта, учтиво пригласили его войти, придумать Черту новое имя. Будучи людьми в возрасте, они боялись смерти, и от прозвища «Черт» у них мурашки бежали по коже, им казалось, что они кликают собственную кончину. Но как они сами ни пытались переименовать ребенка – то Котярой звали, то Псиной, – ни одна кличка не приживалась, никто не следовал их примеру, все вокруг по-прежнему кричали: Черт то, Черт это, так что стариков по ночам нередко мучали кошмары. Потому-то

супруги и попросили заграничного господина найти для ребенка подходящее прозвище, чтобы люди стали звать его по-новому.

Господин этот был тем самым Иностранцем, который когда-то давно толковал сны бабушки Жун и пользовался ее большим расположением. Однако не всем богачам он приходился по душе. Как-то раз он взялся гадать и толковать сны для одного пришедшего торговца чаем на пристани. Кончилось все тем, что толкователя жестоко избили, мало того, что поломали руки и ноги, так еще и вместо двух ясных голубых глаз у него остался только один. Кое-как, с переломанными конечностями, одноглазый, он дополз до ворот Жунов. В память о добросердечной бабушке его приютили, да так и оставили у себя, подыскав ему, познавшему благодаря своему дару суть вещей и пресытившемуся жизнью, подходящее занятие – упорядочивать записи родословной книги Жунов. Год за годом он трудился над книгой; он знал о роде Жун больше, чем кто-либо из членов семьи, – об их прошлом и настоящем, о мужчинах и женщинах, о явном и тайном, о процветании и упадке, обо всех связях и узах, не было ничего такого, о чем бы он не узнал и не занес в книгу. Кто такой Черт, чьих корней плод, смердящий он или ароматный, явный или скрытый, знатный или безродный, славный или постыдный – кто другой, может, и не понял бы, а уж он-то давно во всем разобрался. Но именно поэтому ему оказалось так сложно придумать ребенку новое имя или прозвище.

Если уж называешь человека, думал Иностранец, начать следует с фамилии. Какую выбрать? Сама собой напрашивалась фамилия Линь, вот только дашь ее ребенку, и разворошишь осиное гнездо. Жун? Но с Жунами его разделяло поколение, а кроме того, это выходило за рамки приличий и требовало объяснений. Мать его была Безымянной, о какой фамилии тут могла идти речь? Даже если бы у нее имелась фамилия, ребенка ею нельзя было называть: это все равно что выкапывать из земли давно засохшее дерьмо и бросать его Жунам в лицо – напрашиваться на неприятности. Думал Иностранец, думал и в конце концов бросил затею с именем, решил, что хватит и клички. Иностранец оглядел огромную голову ребенка, подумал о его сиротстве, о печальной участи, которая, конечно, его ждала, и его вдруг осенила мысль. Он произнес новое прозвище: Большеглавый Червяк.

Когда новость дошла до молельни, та, что читала внутри сутры, вдохнула аромат благовоний и сказала задумчиво:

– Хотя и тут и там злой рок, но все же Большеглавый Бес загубил великого гения нашего рода, кому, как не ему, зваться Бесом. А этот мелкий убил какую-то бесстыжую потаскуху, а ведь она посмела оскорбить самого Будду, так ей и надо, это ей небесная кара! Он, можно сказать, стал орудием неба, искоренил зло, так что звать его Чертом нечестно. Что ж, пусть будет Большеглавым Червяком, все равно вряд ли из этого червя вырастет дракон.

Большеглавый Червяк!

Большеглавый Червяк!

Он появился на свет, словно червь.

Червяк!

Червяк!

Он рос, словно травинка в поле.

В большом поместье, пожалуй, единственным, кто считал Червяка человеком, кто относился к нему, как к ребенку, оказался родившийся по ту сторону океана бедолага Иностранец. Нередко, поработав с утра и отдохнув в обед, он сворачивал на дорожку из гравия и неторопливо шел к домику пожилой четы, устраивался рядом с бадьей, где сидел Червяк, выкуривал пачку сигарет и на родном языке рассказывал, что ему снилось ночью, – рассказывал будто бы Червяку, но на самом деле самому себе, потому что Червяк еще ничего не понимал. Иногда он приносил Червяку колокольчик, глиняного человечка или восковую фигурку. Червяк к нему, кажется, сильно привязался. Позже, когда ножки Червяка окрепли и он смог сам выходить за порог, первым делом он заковылял туда, где обычно работал Иностранец – в грушевый сад.

В грушевом саду, как понятно из названия, росли груши – два столетних дерева, а еще там стояла маленькая деревянная хижина с чердаком, где Жуны когда-то хранили опиум и лекарственные травы. Однажды из усадьбы неожиданно исчезла служанка; сперва подозревали, что она сбежала с любовником, но потом в этой самой хижине нашли ее гниющий труп. Никто так и не узнал, как она умерла, но новость о ее смерти разнеслась мгновенно. Только и разговоров было, что о Жунах. С тех пор грушевый сад стал считаться проклятым, мрачным местом, от одного упоминания о нем люди менялись в лице, родители стращали непослушных детей: «Будешь плохо себя вести – брошу тебя в грушевом саду!» Туда боялись соваться, так что Иностранцу жилось в хижине спокойно и вольготно. Когда груши цвели, он любовался их великолепием, вдыхал сладкий аромат и твердо верил в то, что это и есть то место, которое он искал всю свою горькую бродяжью жизнь. Когда цветы опадали, он собирал их и сушил на чердаке, отчего в хижине всегда пахло цветущей грушей и казалось, что весна длится круглый год. А когда Иностранец мучился животом, его выручал настой из сушеных цветков.

После того первого раза Червяк стал приходить каждый день. Придет, встанет, не говоря ни слова, у грушевого дерева и следит за Иностранцем, тихо, робко, точно испуганный олененок. Приученный с раннего возраста стоять в деревянной бадье, он быстрее других детей научился ходить. А вот заговорил он позже всех. В два с чем-то, когда его сверстники уже всюю декламировали детские стишки, он только выкрикивал: «Йя! йя!» Думали уже, что он попросту немой, пока однажды Иностранец, отдыхая на бамбуковой кушетке, не услышал вдруг жалобный голосок:

– Да-ди... да-ди... да-ди...

Иностранцу показалось, что кто-то на его родном языке зовет его папой, daddy. Он открыл глаза; рядом с ним стоял Червяк, весь в слезах, и дергал его за край одежды. Так Червяк произнес свое первое слово. Он считал Иностранца родным отцом, ему показалось, что папа умер, он заплакал и стал звать папу, чтобы тот ожил. В тот же день Иностранец забрал Червяка к себе. Еще через несколько дней Иностранец на восьмом десятке лет смастерил и повесил на грушу качели – подарок Червяку на трехлетие.

Червяк рос среди осыпавшихся грушевых лепестков.

Прошло восемь лет. Как раз в ту пору, когда в воздухе кружились лепестки, Иностранец днем бродил нетвердо среди опадающих цветов и тщательно подбирал слова, а вечером излагал свои мысли на бумаге. Несколько дней спустя письмо сыну старика Лилли, Лилли-младшему, было дописано. Год с лишним письмо пролежало в ящике стола, и только когда Иностранец отчетливо ощутил, что его дни сочтены, он достал его и послал Червяка на почту. Из-за войны Лилли-младшему пришлось несколько раз переезжать, привычный уклад жизни нарушился, и прошел не один месяц, прежде чем он получил послание.

В нем говорилось:

*Уважаемый господин ректор,
доброго вам здоровья!*

Как знать, возможно, это письмо – еще одна, уже последняя ошибка в моей беспомощной жизни. Из страха, что это ошибка, а еще из желания подольше побыть с Червяком я не стану посылать его прямо сейчас. Я отправлю его, когда мой конец будет близок, и тогда, даже если это все-таки ошибка, упрекать меня будет уже поздно. После смерти я с полным правом отвергну все упреки – хватит с меня и нападков при жизни. Я буду пристально следить – так, как могут следить только мертвые за живыми, – за тем, как вы отнесетесь к моим словам, и за тем, как вы поступите. Считайте это моим завещанием. В этом краю, где призраки живут бок о бок с людьми, я провел без малого век и знаю, что ваши люди столь же почтительны к покойным, сколь безжалостны к живым. И потому я почти уверен, что вы исполните мою последнюю волю.

А воля у меня одна, и касается она Червяка. Все эти годы я фактически был его опекуном, но теперь, когда мне все явственнее слышится погребальный звон и я понимаю, что опекать мне осталось недолго, кто-то должен меня заменить. Я прошу об этом вас. Думается мне, у вас по меньшей мере три причины на то, чтобы согласиться:

- Если бы не доброта и смелость ваша и вашего батюшки (Лилли-старшего), ему бы никогда не появиться на свет.*

- Как бы то ни было, он потомок рода Жун, и его бабушка была любимицей вашего батюшки.*

- Ребенок чрезвычайно умен. Все эти годы я исследовал его необыкновенный ум, точно открывал для себя новую, неведомую землю, трепеща и изумляясь. Он несколько нелюдим и холоден в общении, но в остальном – точная копия бабушки, они с ней похожи как две капли воды: невероятный, высочайший интеллект, спокойный волевой характер. Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры – и я переверну Землю». Я уверен, что этот ребенок – именно такой человек. Пока что он еще нуждается в нас: ему только двенадцать лет⁷.*

Уважаемый господин, прошу, поверьте мне, увезите его отсюда, заберите его к себе, ему нужны вы, нужны любовь и образование, ему, в конце концов, нужно настоящее имя.

Прошу!

Прошу!

Это просьба живущего.

Это просьба умершего.

Доживающий последние дни,

Р. Дж.

Тунчжэнь, 8 июня 1944 г.

---

⁷ Иностранец использует старое китайское исчисление: при рождении ребенку «начислялся» один год, следующие годы прибавлялись в первый день нового года по лунному календарю, т. е. разница с реальным возрастом составляла 1–2 года.

2

В 1944 году университету Н. и городу Ч. пришлось немало вынести – испытание огнем войны, гнет марионеточного правительства; и в самом городе, и в настроениях горожан многое изменилось. К тому времени, когда Лилли-младший получил письмо Иностранца, активные боевые действия затихли, но фальшивое временное правительство довело город до полного хаоса. Старика Лилли уже несколько лет как не было в живых. Положение Лилли-младшего в университете Н. необратимо пошатнулось: к марионеточному режиму он относился враждебно, авторитет его отца ослаб. Поначалу Лилли-младший представлял для временного правительства большую ценность. Во-первых, он, будучи известным человеком, мог оказаться весьма полезен; во-вторых, семья Жун в прошлом была не в чести у гоминьдановцев, на чем тоже можно было сыграть. Поэтому марионеточное правительство первым делом щедро ода-рило Лилли-младшего, на тот момент проректора, новой должностью, сделав его ректором университета. Им казалось, что так они смогут его купить. Лилли-младший публично разорвал приказ о назначении, отрезав:

Жуны скорее умрут, чем погубят страну!

Чем все закончилось, представить нетрудно – Лилли-младший завоевал сердца людей и потерял пост. Он давно уже хотел вернуться в Тунчжэнь, укрыться от ненавистных правительственных харь и развязавшейся в университете борьбы за власть; письмо Иностранца, несомненно, ускорило его сборы в дорогу. Снова и снова перечитывая про себя письмо, он сошел с парохода и за завесой дождя заметил управляющего усадьбой. Управляющий вышел к нему выразить свое почтение. Лилли-младший отрывисто спросил:

- Господин Иностранец здоров?
- Умер, – ответил управляющий, – давно умер.
- У Лилли-младшего екнуло сердце.
- А что с ребенком? – спросил он.
- Каким ребенком, господин?
- С Червяком.
- Он там же, в грушевом саду.

В саду-то в саду, только мало кто знал, чем он там занимался: все держались от сада подальше, а он почти никогда его не покидал. Он словно стал призраком усадьбы – все знали о его присутствии, но мало кто его видел. Управляющий к тому же был практически уверен в том, что Червяк немой.

– Я еще не слышал от него ни одного внятного слова, – сказал управляющий. – Он почти всегда молчит, но если и скажет что – все равно ничего не разберешь.

Управляющий рассказывал: слуги шептались, что перед смертью Иностранец ходил кланяться хозяевам дома, просил, чтобы после его кончины они разрешили Червяку и дальше жить в грушевом саду, не выгоняли мальчишку на улицу. Говорили, что Иностранец оставил Червяку накопленное за несколько десятков лет состояние, и на него-то теперь Червяк, видимо, и жил, потому что от Жунов он не получал ни гроша.

На следующий день в полдень Лилли-младший пришел в грушевый сад. Дождь уже прекратился, но за несколько дней непогоды сад развезло, и ноги вязли в сырой податливой земле так глубоко, что пачкались голенища. Но чужих следов не было. С веток деревьев свисала пустая паутина: пауки спрятались от дождя под карниз, некоторые из них раскинули свои сети у двери. Если бы не выходящий из трубы дымок и стук ножа по разделочной доске, Лилли-младший и не подумал бы, что здесь кто-то живет.

Червяк нарезал батат. В кастрюле кипела вода, в воде, точно головастики, подпрыгивали редкие рисинки. Появление Лилли-младшего не удивило и не рассердило его – бросив на

гостя взгляд, он продолжил заниматься своим делом, как будто вошел его... дед, минуту назад вышедший за порог? Или забрел пес. Рост его был ниже, чем представлялось старику, а голова оказалась не такой огромной, как твердили слухи, просто череп был несколько вытянут вверх – такой формы, как будто на голову натянули китайскую шапочку. Возможно, именно из-за удлиненной формы голова и не казалась большой. Словом, в его внешности Лилли-младший не нашел ничего необычного, куда сильнее бросались в глаза его выражение лица и манера держаться, равнодушные, невозмутимые, точно у пресытившегося жизнью юного старца. Комната была сквозная, с первого взгляда становилось ясно, что в ней живет лишь один человек. Весь его быт поражал убожеством: кастрюли, еда, само жилище, где единственными более или менее сносными вещами были шкафчики для лекарств, письменный стол и кресло тайши-и⁸, оставшиеся еще с тех времен, когда в хижине хранились целебные травы. На столе лежала раскрытой большая книга; от ее страниц веяло стариной. Лилли-младший закрыл ее, чтобы взглянуть на обложку: том оказался англоязычным изданием «Британской энциклопедии». Лилли-младший вернул книгу на место и недоуменно посмотрел на ребенка.

– Ты, что ли, читаешь? – спросил он.

Червяк кивнул.

– Что-нибудь понятно?

Червяк снова кивнул.

– Это тебя господин Иностранец языку обучил?

Опять кивок.

– Все молчишь, – проговорил Лилли-младший не без упрека. – Правда, что ли, немой? Если немой – кивни еще раз. Если нет – скажи что-нибудь.

Сомневаясь, что Червяк понимает по-китайски, Лилли-младший повторил то же самое на английском.

Червяк закинул кусочки батата в кипящую воду и ответил по-английски, что он не немой.

Лилли-младший спросил, говорит ли он по-китайски, Червяк, перейдя на китайский, ответил утвердительно.

– Китайский у тебя такой же чудной, как у меня английский, – засмеялся Лилли-младший, – тоже, поди, у господина Иностранца научился?

Червяк кивнул.

– Не надо кивать, – сказал Лилли-младший.

– Хорошо, – сказал Червяк.

– Сто лет уже не говорил по-английски, – сказал Лилли-младший. – Все забыл. Давай лучше по-китайски.

– Хорошо, – сказал Червяк по-китайски.

Лилли-младший подошел к столу, сел в кресло, закурил. Спросил:

– Тебе сколько лет?

– Двенадцать.

– Чему тебя еще господин Иностранец учил, кроме чтения?

– Больше ничему.

– А сны толковать он тебя не учил? Он ведь был знаменитым толкователем.

– Учил.

– И что ты, научился?

– Научился.

– Мне тут кое-что приснилось, растолкуешь?

– Не могу.

– Почему это?

---

⁸ Старинное деревянное кресло с резной спинкой.

- Я только себе толкую.
- Ладно, и что же ты видел во сне?
- Все видел.
- И я тоже тебе снился?
- Снились.
- Знаешь, кто я?
- Знаю.
- Кто?

– Из семьи Жун, восьмого поколения, год рождения 1883-й, порядок по старшинству в семье – двадцать первый, зовут Жун Сяолаем, также известен как Дунцянь, Цзэту, прозвище – Лилли-младший, сын Лилли-старшего, основателя университета Н. В 1906 году окончил математический факультет университета Н., в 1912 году уехал на учебу в Америку, в Массачусетском технологическом институте получил степень магистра, в 1926 году вернулся в университет Н. и стал преподавателем, в настоящее время проректор университета и профессор математики.

- Сколько ты всего про меня знаешь.
- Я знаю про всех Жунов.
- Господин Иностранец научил?
- Да.
- Чему еще он тебя учил?
- Больше ничему.
- Ты ходил в школу?
- Нет.
- А хотел бы?
- Не думал об этом.

В кастрюле снова закипела вода, горячий пар и запах еды заполнили комнатку. Старик встал, собираясь пройтись по саду. Решив, что гость уже уходит, ребенок окликнул его и сказал, что Иностранец просил кое-что ему передать. С этими словами мальчик подошел к кровати, вытащил из-под нее бумажный сверток и протянул его Лилли-младшему:

- Отец велел передать это вам, когда вы будете уходить.
- Отец? – Старик задумался. – Ты про господина Иностранца?
- Да.
- А что это? – Старик взял в руки сверток.
- Господин откроет и сразу поймет.

Вещь была обернута в несколько слоев пожелтевшей бумаги и оттого казалась большой, но когда Лилли-младший развернул бумагу, оказалось, что внутри маленькая статуэтка Гуаньинь⁹, которую можно было обхватить ладонью. Гуаньинь была из белого нефрита, с темно-зеленым сапфиром между бровями, похожим на третий глаз. От ладони по всему телу разлилась приятная прохлада – знак того, что нефрит был высшего сорта. Тонкость работы статуэтки, то, как она ложилась на ладонь – все говорило о ее долгой истории. Лилли-младший почти не сомневался, что перед ним драгоценность, за которую можно выручить немало денег. Размышляя, разглядывая ребенка, он наконец задумчиво проговорил:

- Я с господином Иностранцем никак не связан, с чего ему дарить мне такую дорогую вещь?
- Не знаю.
- За нее много денег дадут, оставь ее себе.
- Нет.

---

⁹ Почитаемое в Китае божество (богиня милосердия).

- Господин Иностранец любил тебя, ты был ему как родной. Пусть у тебя останется.
- Нет.
- Тебе она нужнее.
- Нет.
- Может, он боялся, что ты не сможешь выгодно ее продать, хотел, чтобы я помог?
- Нет.

Взгляд старика случайно упал на бумажную обертку. Он заметил, что бумага исписана цифрами, математическими вычислениями, как будто кто-то пытался получить некую сложную сумму. Развернув листы, он обнаружил, что они все в числах. Тема разговора сменилась сама собой:

- Господин Иностранец учил тебя арифметике?
- Не учил.
- А это чье?
- Мое.
- Что ты высчитывал?
- Сколько дней прожил отец...

3

Смертельная болезнь Иностранца началась с горла. Возможно, это было возмездием за его любовь к толкованию снов – он всю жизнь полагался на бойкий язык, а теперь глотка, приносившая другим дурные вести из потустороннего мира, мучила его самого. К тому времени, как Иностранец сел за свое предсмертное письмо к Лилли-младшему, он уже почти не разговаривал. Чувствуя приближение кончины, он принялся хлопотать о будущем Червяка. В те безмолвные дни Червяк каждое утро ставил у кровати Иностранца стакан с настоем из грушевых цветков, то крепкий, то слабый, в зависимости от времени года. Просыпаясь среди тонкого цветочного аромата, Иностранец глядел, как покачиваются, раскрываются в воде цветки груши, и на сердце у него воцарялся покой. Когда-то этот самодельный настой служил ему лекарством; он даже считал, что в нем-то и крылся секрет его долголетия. А ведь поначалу он стал собирать грушевые цветки просто от скуки – или, может, потому, что их ослепительная белизна, их нежность притягивали и волновали его. Он собирал их, сушил на чердаке и потом клал у изголовья кровати, на письменный стол, вдыхал их аромат, будто бы удерживая в своем доме цветущую весну.

Он лишился одного глаза, ходьба давалась ему с трудом, и он целые дни проводил сидя. Мало-помалу его настиг неизбежный недуг – стали мучать запоры, да так сильно, что порой и жить не хотелось. В тот год с приходом зимы ему снова стало неважно, и он прибег к привычному способу: с утра вливал в себя большую чашу ледяной воды, затем еще и еще раз, до тех пор, пока не скрутит живот. Но в этот раз все было иначе – прошло несколько дней, чаши опустошались одна за другой, а кишечник все никак не реагировал, в животе было тихо, как в стоячем водоеме. Иностранец страдал от боли и отчаяния. Однажды днем он нарвал лекарственных трав, вечером вернулся домой и в потемках выпил залпом заготовленную перед уходом чашу с холодной водой. Оттого, что пил быстро, он не сразу сообразил: у воды появился странный привкус, к тому же вместе с водой в его желудок попало что-то постороннее. Он насторожился, зажег масляную лампу и только тогда увидел, что в чаше плавают размокшие цветки груши. То ли их занесло в чашу сквозняком, то ли мышь напроказничала. Он не слышал, чтобы кто-то прежде глотал грушевые цветки, и так испугался последствий, что даже стал готовиться к смерти. Однако не успел он отварить лекарственные травы, как вдруг внизу живота смутно заныло и следом произошло наконец то, чего он так ждал – живот скрутило. Он понял, что избавление уже близко, и под непрерывное яростное бурление в кишечнике поспешил в уборную и вышел оттуда с чувством облегчения.

Раньше такое облегчение сопровождалось воспалением кишечника, и приходилось пару дней терпеть диарею – можно сказать, бросало из крайности в крайность. Но в этот раз порочный круг загадочным образом разомкнулся, за облегчением не последовало никаких хворей. Вода с грушевыми цветками горячо ему понравилась. То, что произошло случайно, по оплошности, оказалось подарком судьбы. С тех пор он настаивал цветки каждый день, так же, как другие настаивают чай, и чем больше он пил цветочную воду, тем больше убеждался в ее полезных свойствах. Цветочная вода стала для него благословением, скрасила одинокую жизнь немощного старика. Пора цветения приносила ему необычайное счастье, и когда он собирал один за другим ароматные нежные цветки, ему казалось, что он собирает свою жизнь, свое здоровье. Перед смертью он каждую ночь видел грушевые цветы во сне: как они распускаются под солнцем, как они опадают, кружась, под дождем и ветром. Втайне он надеялся, что Бог заберет его к себе вместе с этими цветками.

Однажды утром старик подозвал к постели Червяка, попросил у него бумагу, карандаш и написал:

Я хочу, чтобы меня захоронили вместе с грушевыми цветками.

Вечером он снова подозвал к постели Червяка, попросил бумагу, карандаш и уточнил:

Я прожил 89 лет, похорони меня с 89 цветками – один цветок за один год.

На рассвете он снова подозвал к постели Червяка, попросил бумагу, карандаш и еще раз уточнил:

Посчитай, сколько я прожил дней за 89 лет. Сколько прошло дней – пусть столько будет цветков.

То ли от страха перед кончиной у старика помутился разум, то ли он просто забылся в воспоминаниях, но пока он уточнял и усложнял свою волю, он совсем упустил из виду, что никогда не учил Червяка считать.

Правда, складывать и вычитать Червяк все-таки умел. Простые вычисления – часть повседневной жизни, и ребенок школьного возраста способен освоить их без учителей. Каждый год в ту пору, когда облетают груши, Иностранец собирал опавшие цветки и звал Червяка посчитать их, Червяк считал и писал на стене число. Через несколько дней Иностранец снова поручал ему сосчитать цветки и записать на стене результат. Так он и набил руку, выучившись считать, складывать и вычитать десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч, но этим все и ограничивалось. Иностранец давно придумал, что следует написать на своем надгробии, и уже сообщил Червяку точное время и место своего рождения, а теперь Червяку предстояло сосчитать дни долгой жизни старика-отца. Из-за слабых навыков он потратил на счет весь день. Наконец он подошел в полумраке к изголовью постели отца и сообщил ему добытое с таким трудом число. У старика уже не осталось сил кивнуть, он легонько дотронулся до руки ребенка и закрыл глаза в последний раз. Червяк до сих пор не знал, верно ли он все сосчитал; заметив, что Лилли-младший рассматривает черновик с расчетами, он впервые ощутил, что связан с этим человеком, почувствовал его значимость, и сердце мальчика сжалось от тревоги и бессилия.

Черновик был на три листа, и, хотя на них не нашлось порядковых номеров, Лилли-младший, разложив листы перед собой, без труда определил начальную страницу:

1 год: 365 (дн.)
2 года: 365 (дн.)
+ 365/730 (дн.)
3 года: 730 (дн.)
+ 365/1095 (дн.)
4 года: 1095 (дн.)
+ 365/1460 (дн.)
5 лет: 1460 (дн.)
+ 365/1825 (дн.)
.....

Лилли-младший понял, что Червяк не знал про умножение. Без умножения он мог считать только таким примитивным способом. Прибавив 365 восемьдесят девять раз, он получил число 32485. Затем он отнял 253 дня и вывел конечный результат:

32232 (дн.)
– Я не ошибся? – спросил Червяк.

Ошибся, подумал Лилли-младший. Не в каждом году было по триста шестьдесят пять дней. Червяк не учел високосные годы. Но перед ним стоял двенадцатилетний ребенок, кото-

рому и так было непросто сложить столько чисел без единой ошибки. Не желая огорчать его, старик сказал, что все верно.

– Это ты здорово сообразил – прибавлять по полным годам, – искренне похвалил он. – Иначе пришлось бы повозиться с годами рождения и смерти, высчитывать по дням, а ты сделал проще, только в конце отнял нужное число.

– Я потом нашел способ получше, – сказал Червяк.

– Какой?

– Не знаю, как он называется. Посмотрите.

Червяк взял с кровати новый черновик и протянул старику.

И размером бумаги, и яркостью чернил этот черновик отличался от первого, и было ясно, что он появился позже. Червяк сказал, что взялся за него после похорон отца. В левой колонке шло привычное сложение, а правая демонстрировала тот самый загадочный способ:

1 год: 365 (дн.)
 2 года: 365 (дн.)
 + 365/730 (дн.)
 3 года: 730 (дн.)
 + 365/1095 (дн.)
 365 (дн.)
 × 1/365 (дн.)
 365 (дн.)
 × 2/730 (дн.)
 365 (дн.)
 × 3/1095 (дн.)
 .....

Загадочный способ счета оказался умножением. Ничего не зная о нем, Червяк вывел его по-своему. Так, в два столбика, Червяк дошел до двадцатого года. На двадцать первом году столбики поменялись местами – теперь умножение было в первом, а сложение – во втором:

21 год: 365 (дн.)
 × 21/7665 (дн.)
 7300 (дн.)
 + 365/7665 (дн.)

Лилли-младший заметил, что в колонке умножения 7665 написано поверх другого числа. Похоже, сперва там стояло 6565. То же самое он увидел и ниже: сначала Червяк умножал и только потом складывал, и результат умножения то и дело приходилось поправлять, чтобы он совпал с суммой справа. При этом до двадцать первого года результаты умножения ни разу не исправлялись. Это говорило о том, что поначалу Червяк складывал и просто копировал в колонку умножения полученное число, а вот начиная с двадцать первого года он уже стал пользоваться новым методом, хотя ему все еще приходилось проверять себя по-старому. Он не сразу разобрался в правилах умножения и иногда ошибался, однако чем дальше, тем меньше попадалось исправлений – мало-помалу Червяк освоил и этот новый способ счета.

Досчитав таким образом до сорокового года, он вдруг перескочил на восемьдесят девятый, получил, умножив 89 на 365, число 32485, отнял от него 253 дня, вывел снова итоговый результат: 32232 (дн.) и обвел его в кружок.

Вычисления на следующем листе казались бессистемными, но старик сразу догадался, что Червяк проверял новый метод на практике, чтобы подытожить внизу страницы его правила:

– Одиножды один – один, одиножды два – два, – прочел вслух старик, – одиножды три – три...

$2 \times 2 = 4$
 $2 \times 3 = 6$
 $2 \times 4 = 8$
 $3 \times 3 = 9$
 $3 \times 4 = 12$
 $3 \times 5 = 15$
 $3 \times 6 = 18$

Лилли-младший зачитывал безошибочную таблицу умножения.

Замолчав, старик растерянно посмотрел на ребенка. Происходящее не укладывалось у него в голове. Ему почудилось, что в хижине еще раздается эхо его голоса, читающего таблицу умножения, и он вслушался, пытаясь уловить отзвук; на сердце у него потеплело. Он знал, что уже не сможет оставить ребенка в грушевом саду. «Война на дворе, – подумал он, – никогда не угадаешь, как тебе аукнется доброе дело... Но этот ребенок – гений, если я не возьму его с собой, буду всю жизнь жалеть».

В конце лета Лилли-младший получил телеграмму из административного центра. В ней говорилось, что университет возобновляет работу и его просят вернуться как можно скорее. Ректором можно и не быть, решил старик, но студентов бросать нельзя. Он велел управляющему собрать его в дорогу и вдобавок вручил ему несколько купюр. Управляющий рассыпался в благодарностях.

– Да это не тебе, – сказал Лилли-младший. – Мне надо, чтобы ты кое-что для меня сделал.

– Что именно, господин? – спросил управляющий.

– Своди Червяка к портному, пусть сошьет ему два костюма.

Управляющий так и остоленел. Ему показалось, что он ослышался.

– Вот когда сделаешь, тогда и награжу тебя, – добавил Лилли-младший.

Через несколько дней, когда все было готово, управляющий пришел за обещанной наградой и услышал новое поручение:

– Помоги Червяку собрать вещи, завтра мы с ним вместе уезжаем.

Управляющий снова застыл на месте, не веря своим ушам.

Пришлось господину повторить еще раз.

Утром, едва рассвело, во дворе Жунов остервенело залаял пес. Лай подхватили и другие собаки, и вскоре господа и слуги один за другим встали с постелей и столпились у окна поглядеть, что творится на улице. В свете фонаря управляющего перед ними предстала невероятная сцена: Червяк в новом с иголочки костюме, с кожаным чемоданом, с которым когда-то скитался Иностранец, молча семенил за Лилли-младшим, испуганный, точно попавший вдруг в мир людей бесенок. Изумленные очевидцы не смели верить собственным глазам. Только когда управляющий, проводив путников, вернулся в усадьбу, они смогли убедиться, что им ничего не привиделось.

Управляющего засыпали вопросами: куда господин повез Червяка? Зачем? Червяк еще вернется? С чего вдруг господин так о нем заботится?

Хозяевам управляющий отвечал:

– Не знаю.

А на слуг огрызался:

– Да черт их разберет!

4

С лошадьми мир казался меньше, с пароходами – больше, ну а машины сотворили с миром что-то невероятное. Когда через несколько месяцев япошки двинулись из Ч. в Тунчжэнь, мотоотряд добрался до городка всего за несколько часов. Никогда прежде на этой дороге не появлялись машины. Они доехали так скоро, что впору было засомневаться, уж не передвинул ли небесный владыка горы между двумя городами, как в притче про старика Юй Гуна¹⁰. Раньше быстрее всего добирались на лошадях – выберешь лошадь покрепче, в руку – кнут, и через семь-восемь часов ты уже на месте. Десять лет назад Лилли-младший обычно путешествовал в конной повозке – медленнее езды верхом, но если время от времени подгонять лошадь, можно уложиться в один день, утром выехать и к ночи приехать. Теперь, в шестьдесят лет, он с трудом переносил тряску и потому путешествовал пароходом. Путь в Тунчжэнь у него занял два дня и две ночи. Обратный пароход шел по течению, но все-таки прибыть в порт Ч. он мог не раньше, чем через сутки.

С начала пути Лилли-младший перебирал в уме имена для ребенка. Пароход уже входил в гавань Ч., а старик все еще не мог придумать ничего путного. Он и не подозревал, что дело окажется таким сложным. История повторялась – Лилли-младший столкнулся с той же проблемой, которую в свое время пытался решить Иностранец. В конце концов выбор предопределил городок, в котором родился и вырос ребенок. Лилли-младший дал на выбор два имени, значения которых, конечно, были несколько притянуты за уши: Цзиньчжэнь¹¹ и Тунчжэнь¹².

– Мне все равно, – сказал Червяк.

– Раз все равно, я за тебя выберу, – сказал Лилли-младший. – Назовем тебя Цзиньчжэнем. Хорошо?

– Хорошо, пусть будет Цзиньчжэнь, – ответил Червяк.

– Когда вырастешь – соответствуй своему имени.

– Хорошо, буду соответствовать.

– У тебя в имени иероглиф «золото», значит, ты должен сиять как золото.

– Хорошо, буду сиять как золото.

Подумав, Лилли-младший спросил:

– Нравится тебе новое имя?

– Нравится, – ответил Червяк.

– Я хочу поменять в нем один иероглиф, согласен?

– Согласен.

– Как же ты согласен, если я еще не сказал, что хочу поменять?

– Что вы хотите поменять?

– Пусть будет другой иероглиф «чжэнь», не который «честный», а тот, который «драгоценный», как в слове *чжэньчжу*, «жемчужина». Хорошо?

– Хорошо, «чжэнь» как в слове «жемчужина», – повторил Червяк.

– Знаешь, почему я менял?

– Не знаю.

¹⁰ Перед домом старика Юй Гуна стояли две горы, мешавшие проходу. Юй Гун решил их сдвинуть – разобрать по камню. Вся семья принялась за работу. Когда другой старик посмеялся над Юй Гуном и сказал, что тот взялся за невыполнимое, Юй Гун ответил, что после его смерти работу продолжат его дети, затем внуки, правнуки, и мало-помалу они сровняют горы с землей. Его усердие растрогало небесного владыку, и он послал на землю двух духов, чтобы те перенесли горы на своих плечах (притча «Юй Гун двигает горы»).

¹¹ В имени Цзиньчжэнь игра слов. Иероглиф «тун» в названии города буквально означает «медь», а «цзинь» в имени – «золото». У иероглифа «чжэнь» в названии значение «город» или «поселок», для имени подобран иероглиф с тем же чтением, но со значением «настоящий», «честный».

¹² Имя Тунчжэнь и название города написаны разными иероглифами.

– Интересно узнать?

– Вы поменяли, потому что... – начал Червяк. – Я не знаю...

А поменял иероглиф Лилли-младший из суеверия. В Тунчжэне, да и во всей Цзяннани бытовало поверье: «женоподобных мужчин даже бесы боятся». Считалось, что, если мужчина похож внешне на женщину, *в нем слились два начала*, мужское ян и женское инь, твердое и мягкое, и такому счастливчику легче добиться успеха и достичь высот в карьере. Люди искали и другие способы соединить два начала – так, например, в некоторых семьях мальчикам давали традиционно женские имена¹³ в надежде, что инь и ян сольются и ребенок вырастет великим человеком. Лилли-младший хотел было объяснить это Червяку, но потом передумал, счел неуместным и только пробормотал: «Ну, значит, решили, теперь тебя зовут Цзиньчжэнь, «чжэнь» как в слове «жемчужина».

Город Ч. был уже близко.

Сойдя на берег, Лилли-младший кликнул двух рикш, но вместо домашнего адреса назвал им адрес школы в районе Шуйсимэнь. Ее директор, по фамилии Чэн, в свое время учился в школе при университете Н. Лилли-младший и будучи студентом, и позже, став преподавателем, нередко проводил в той школе уроки. Этот Чэн, живой, бойкий, заслуживший звание «неофициального старосты класса», хорошо ему запомнился. Со своими оценками он вполне мог поступить в университет, но после окончания средней школы Чэн увлекся идеями Северного похода, надел солдатскую униформу и, закинув за плечо ружье, простился с Лилли-младшим. Следующей зимой они увиделись снова. Чэн по-прежнему носил униформу, но ружья при нем не было, а стоило присмотреться внимательнее, как становилось понятно: не было не только ружья, но и руки, которая когда-то его держала. Пустой рукав висел точно дохлая кошка – зрелище странное и жутковатое. Лилли-младший неловко пожал уцелевшую – левую – руку. Она казалась здоровой и крепкой, и Лилли-младший спросил, может ли Чэн ею писать. Тот ответил утвердительно. Лилли-младший пристроил его учителем в недавно открытую в Шуйсимэне начальную школу старшей ступени, и постепенно жизнь Чэна наладилась. Он был простым учителем, когда его прозвали Одноруким Мастером¹⁴; дойдя до должности директора, он, можно сказать, оправдал свое прозвище.

Несколько месяцев назад, в разгар военной смуты, Лилли-младший с супругой укрывались в деревянном флигеле при школе, постройке, служившей когда-то мастерской. При встрече с Одноруким Мастером Лилли-младший первым делом спросил:

– Флигель, где я жил, еще свободен?

– Свободен, – сказал Мастер. – Мы там баскетбольные мячи храним.

– Вот и отлично. – Лилли-младший кивнул на Червяка. – Пусть он там поживет.

– А кто это?

– Твой новый ученик. Зовут Цзиньчжэнь.

С того дня никто больше не называл Червяка Червяком. Теперь его звали Цзиньчжэнем. Цзиньчжэнь!

Цзиньчжэнь!

С именем Цзиньчжэнь он начал новую жизнь в Ч., распрощавшись со старой, тунчжэньской.

О дальнейших событиях лучше всего расскажет старшая дочь Лилли-младшего – Жун Иньи.

¹³ Т. е. со значениями «красота», «изящество», названиями цветов, драгоценных камней и т. д.

¹⁴ Игра слов: «одна рука» (###) и «мастер», «умелец» (###) звучат по-китайски похоже.

5

В университете Н. ее называли не «госпожой», а «мастером» Жун, то ли из почтения к отцу, то ли из уважения к ее жизненному опыту. Она так и не вышла замуж, но не потому, что никогда не любила. Наоборот, любовь ее оказалась слишком сильна и причинила ей слишком много боли. Говорили, в юности у нее был поклонник, талантливый студент-физик. Он отлично разбирался в радиотехнике и запросто мог собрать трехдиапазонный радиоприемник за вечер. В годы борьбы с захватчиком, когда университет Н. стал центром сопротивления, почти каждый месяц целые группы студентов бросали учебу и уходили на фронт. Среди них был и ее возлюбленный. Первое время она часто получала от него письма, но потом весточки стали доходить все реже. Последнее письмо пришло весной 1941 года из Чанши. Он писал, что служит теперь в тайном подразделении и вынужден пока прервать все связи с близкими. Он заверял, что по-прежнему горячо любит ее и надеется, что она его дождется: «Любимая моя, – писал он трогательно и торжественно, – жди меня, и в день победы мы поженимся!» И мастер Жун ждала. День победы настал, война закончилась, но он так и не вернулся. Извещение о смерти не приходило. И только в 1953 году один человек, вернувшийся из Гонконга, принес ей весть: ее любимый давно уехал на Тайвань, женился, растит ребенка и просит ее строить свою жизнь без него.

Вот и все, чего мастер Жун дождалась за десять с лишним лет, горький финал ее истории любви, и нетрудно представить, каким этот финал стал для нее ударом. Десять лет назад, когда я приезжал в университет Н. расспрашивать очевидцев, она только-только ушла на пенсию, оставив пост декана математического факультета. У нее дома в гостиной висела семейная фотография, с нее и началась наша беседа. На фотографии были пятеро: впереди сидели Лилли-младший с супругой, позади стояли дети: мастер Жун в серединке, лет двадцати с чем-то на вид, с волосами до плеч; слева от нее младший брат в очках; справа – сестренка семи-восьми лет, волосы затянуты в хвостики. Тогда, летом тридцать шестого, они решили сделать фото на память – брат уезжал на учебу за границу. Потом началась война, и брат смог вернуться домой только после ее окончания. К тому времени в семье стало меньше на одного человека и один человек прибавился. Тяжело заболела и умерла сестренка, и вскоре после ее смерти, тем же летом, Лилли-младший привел домой Цзиньчжэня. Мастер Жун рассказывала:

[Далее со слов мастера Жун]

Сестра умерла на летних каникулах. Ей было всего семнадцать.

До ее смерти мы с мамой и не знали про Цзиньчжэня, папа прятал его от нас у директора шуйсимэньской школы. Обычно директор Чэн с нами мало общался, поэтому, хотя папа не хотел, чтобы мы услышали о Цзиньчжэне, он не просил Чэна, чтобы тот не выдавал нам его секрет. Но потом Чэн откуда-то узнал про сестру и пришел к нам домой с соболезнованиями. В тот день дома была только мама. Слово за слово, разговорились, Чэн упомянул про Цзиньчжэня, и папина тайна раскрылась. Пришлось папе все нам рассказать: про сиротство ребенка, его талант и просьбу Иностранца. Мама после смерти сестры сделалась очень чувствительной, ей стало так жалко мальчика, что она залилась слезами. Она сказала папе:

– Нашей Иньчжи больше нет, так пусть ребенок живет с нами, будет мне утешением.

Так в нашей семье появился Чжэнь-ди – то есть Цзиньчжэнь.

Мы с мамой звали его Чжэнь-ди – «братик Чжэнь», и только папа называл его полным именем. Чжэнь звал маму «матушкой-наставницей»¹⁵, папу – «господином ректором», а меня – «сестрой», словом, напутал все возможные обращения. Уж меня-то ему полагалось звать двоюродной тетей.

¹⁵ Вежливое обращение к супруге учителя.

Честно говоря, поначалу Чжэнь мне совсем не понравился: он никому не улыбался, ни с кем не заговаривал, ходил вечно крадучись, точно какой-то призрак. К тому же у него было полно вредных привычек. Он часто рыгал за едой, не следил за гигиеной, вечером не мыл ноги, оставлял ботинки у лестницы, отчего в коридоре и столовой стояла вонь. В то время мы жили в доме, который перешел к нам от бабушки, маленьком коттедже в западном стиле. Мы все жили наверху, на первом этаже были только кухня и столовая, и каждый раз, спускаясь вниз поесть, я натыкалась на его вонючие ботинки, тут же представляла, как он будет рыгать за столом, и аппетит сразу пропадал. Конечно, проблема с ботинками разрешилась быстро: мама сделала ему замечание, и он стал каждый день мыть ноги и стирать носки, и стирал почище других. Вообще он был хорошо приспособлен к жизни, умел готовить, стирать, растапливать печь углем, даже шить, и с работой по дому управлялся лучше меня. Сказывался опыт – всем этим вещам он обучился еще в раннем детстве. А вот с его отрыжкой (а иногда и газами) справиться никак не удавалось. По правде говоря, он и не мог ничего с этим поделать: у него были серьезные проблемы с желудком, поэтому он и рос таким тощим и слабым. Папа говорил, Чжэнь испортил себе желудок настоями из грушевых цветков – может, для старика Иностранца настой и был лекарством, но разве можно было давать его ребенку? Чтобы вылечиться, он таблеток глотал больше, чем еды. Ел он совсем мало, у кошки и то лучше аппетит – мисочку риса зараз, не больше, но едва он принимался за еду, как начиналась отрыжка.

Как-то раз он пошел в туалет и забыл запереть дверь, а я не знала, что он там, и вошла. Я тогда напугалась, и этот случай стал для меня последней каплей – я потребовала, чтобы родители отправили его обратно в школьный флигель. Пускай он наш родственник, говорила я, но почему он обязательно должен жить у нас? Многие дети живут при школе. Папа промолчал, дал маме высказаться. Мама сказала: только взяли человека к себе и сразу гоним, нехорошо так. Если уж отсылать его обратно, то не раньше, чем начнется учебный год. Папа сказал: ладно, с начала четверти он будет жить при школе. Мама добавила: а по воскресеньям пусть приходит к нам, пусть считает это место своим домом. Папа согласился.

На том и порешили.

Но потом все опять изменилось... [*Продолжение следует*]

Однажды за ужином мастер Жун упомянула о газетной заметке, где говорилось о том, что в прошлом году многие регионы страны поразила небывалая засуха. В некоторых городах нищих на улицах стало больше, чем солдат. Мать вздохнула: что тут скажешь, двойной високосный, в такие года вечно что-то происходит, и достается больше всего простому народу. Цзиньчжэнь обычно помалкивал, и мать, пытаясь его растормошить, все старалась вовлечь его в разговор и потому спросила, знает ли он, какой год называют двойным високосным. Он помотал головой. Это такой год, объяснила мать, который считается високосным и по солнечному календарю, и по лунному.

– Ты знаешь, что такое високосный год? – спросила она, видя, что он не понял.

Он опять помотал головой. Это было в его духе – по возможности обходиться без слов. Мать снова пустилась в объяснения, рассказала про солнечный календарь, про лунный, про то, откуда берутся високосные годы. Цзиньчжэнь потрясенно уставился на Лилли-младшего, будто ждал, что тот подтвердит или опровергнет услышанное.

– Да, это правда, – кивнул Лилли-младший.

– Значит, я посчитал неправильно? – пробормотал Цзиньчжэнь, краснея. Видно было, что он вот-вот заплачет.

– Что посчитал? – не понял Лилли-младший.

– Сколько дней прожил отец. Я же считал по триста шестьдесят пять дней в году.

– Выходит, что неправильно...

Лилли-младший еще не договорил, а Цзиньчжэнь уже забился в рыданиях.

Он все рыдал и рыдал, ничьи уговоры на него не действовали, и только когда Лилли-младший стукнул кулаком по столу и сердито прикрикнул на него, он наконец затих. Но, хотя он замолк, слезы душили его все сильнее, и он яростно, точно одержимый, впился в колени ногтями. Лилли-младший велел ему положить руки на стол и напустил на себя самый строгий вид, хотя на самом деле, конечно, хотел его утешить:

– Ты что разреvelся? Я даже договорить не успел. Сначала дослушай, а потом уже реви, если хочешь.

– Я сказал, что ты ошибся, – говорил Лилли-младший, – и, если мы отталкиваемся от концепции високосного года, так и есть. Но если мы посмотрим на это с точки зрения математики, еще надо проверить, ошибся ты или нет, ведь надо понимать, что в любых вычислениях допускается погрешность.

– Насколько мне известно, – говорил Лилли-младший, – если мы хотим все точно сосчитать, нужно учитывать, что Земля совершает полный оборот вокруг Солнца за триста шестьдесят пять дней, пять часов, сорок восемь минут и сорок шесть секунд. Откуда берутся високосные годы? Да все из тех же пяти с лишним часов – они прибавляются к каждому году, если мы считаем по солнечному календарю, поэтому раз в четыре года мы получаем год високосный, в котором триста шестьдесят шесть дней. А теперь подумай, прикинь в уме, как бы мы ни считали, по триста шестьдесят пять дней или триста шестьдесят шесть, все равно нам не избежать погрешности. Но эта погрешность допустима, нам без нее никак не обойтись. Словом, я что хочу сказать: погрешности в вычислениях неизбежны, не бывает абсолютной точности.

– Ты вот возьми и посчитай, – говорил Лилли-младший, – господин Иностранец прожил восемьдесят девять лет, сколько из них было високосных? Сколько их было, столько дней и прибавь, а потом сравни старое число и новое и посмотри, какая у тебя вышла погрешность. Обычно, когда мы имеем дело с десятками тысяч, допускается погрешность в одну тысячную долю. Если ты ее превысил, значит, ошибся. Ну-ка, проверь, допустимая у тебя погрешность или нет?

Иностранец умер в високосный год, на восемьдесят девятом году жизни, значит, полных високосных лет за его жизнь было двадцать два, не так уж много и не так уж мало. Прибавляем к результату в тридцать с лишним тысяч двадцать два дня и получаем погрешность явно меньше одной тысячной доли. Своими суровыми разглагольствованиями Лилли-младший пытался отвлечь мальчика, положить конец его самобичеванию. Мало-помалу Цзиньчжэнь успокоился...

[Далее со слов мастера Жун]

Позже папа рассказал нам про то, как Иностранец просил сосчитать Чжэня прожитые дни. Я вспомнила, как он горько рыдал, и, признаться, меня даже растрогала такая сыновья почтительность. В то же время я заметила, что его натуре свойственны и некоторая фанатичность, и хрупкость. Потом-то мы не раз наблюдали проявления этой фанатичной, беспокойной стороны его характера. Большую часть времени он оставался замкнутым, держал все в себе, терпел молча и мог снести почти что угодно, даже не подавая виду, – мало у кого встретишь такую выносливость. Но уж если его терпению приходил конец, если было задето что-то сокровенное, он быстро терял над собой контроль и реагировал слишком бурно, впадал в крайности. Примеров можно много вспомнить. Да вот хотя бы... Он очень любил мою маму и как-то раз тайком написал на бумаге кровью:

ОТЕЦ УМЕР, ТЕПЕРЬ Я ВСЮ ЖИЗНЬ ДОЛЖЕН СЛУЖИТЬ МАТУШКЕ-НАСТАВНИЦЕ.

Когда ему было семнадцать, он сильно заболел, долго лежал в больнице. Мама часто заходила в его комнату, чтобы взять для него то одно, то другое, вот и нашла этот листок. Он

сунул его в блокнот, в карман обложки. Писал явно пальцем, крупными такими иероглифами. Даты не стояло, так что в каком году он это сделал, неизвестно. Судя по цвету крови и бумаги – в первые годы после переезда к нам.

Мама у меня была добрая, отзывчивая и с возрастом стала только мягче. К Чжэню она отнеслась так, как будто знала его еще в прошлой жизни, они как-то сразу ладились, понимали друг друга без слов, точно родные. Когда он переехал к нам, мама тут же, с первого же дня, стала звать его «братиком Чжэнем», Чжэнь-ди, уж не знаю почему, может, оттого, что только-только умерла сестра, и маме подспудно казалось, что дочь переродилась в теле Чжэня. После смерти сестры мама долго не выходила из дома, заперлась со своим горем в четырех стенах, по ночам ее мучили кошмары, то и дело что-то мерещилось, и только когда появился Чжэнь, ей мало-помалу полегчало. Вы, может, не знаете – Чжэнь умел толковать сны, что ни приснится, все мог объяснить, прямо колдун какой-то. А еще он верил в Бога и читал на английском Библию, притчи библейские наизусть знал. Думаю, в том, что мама более-менее быстро пришла в себя, во многом заслуга Чжэня: он толковал ей сны, читал вслух притчи. Кто теперь разберет? А уж как мама о нем заботилась, как ценила, всегда считала его за родного. Но никто и представить не мог, что его это так растрогает и он напишет те слова кровью. Недолюбленный он был, я бы сказала, рос без материнской любви, поэтому все, что делала для него мама: кормила, обшивала, пеклась о нем – все замечал, все ценил, вот со временем чувства и накопились, нужно было дать им выход. Способ он, конечно, выбрал необычный, но вполне в его духе. Помоему, у него была, как сейчас сказали бы, легкая форма аутизма.

И таких случаев много можно припомнить, но пока давайте вернемся к тому вечеру, про который я рассказывала, та история еще не закончилась... [*Продолжение следует*]

На следующий день, снова за ужином, Цзиньчжэнь вдруг сказал: високосных лет в жизни Иностранца было двадцать два, так что на первый взгляд кажется, что он ошибся на двадцать два дня; а на самом деле не на двадцать два, а на двадцать один. Что за нелепое заявление! Ясно же: раз двадцать два високосных года, значит, надо прибавить двадцать два дня, откуда двадцать один-то взялся? Даже мать засомневалась: уж не спятил ли Цзиньчжэнь? Но когда он объяснил, как пришел к такому выводу, все признали, что его слова разумны.

Лилли-младший ведь говорил, что для полного оборота Земли вокруг Солнца требуется триста шестьдесят пять дней, пять часов, сорок восемь минут и сорок шесть секунд, таким образом, каждые четыре года добавляется дополнительный день. Но ведь это не ровно двадцать четыре часа (если бы к каждому году прибавлялось по шесть часов, тогда было бы двадцать четыре). А сколько же? Меньше на одиннадцать минут четырнадцать секунд в год. Умножаем на четыре и получаем разницу в *сорок четыре минуты пятьдесят шесть секунд*. Значит, день, который прибавляется раз в четыре года, на самом деле неполный – короче на сорок четыре минуты пятьдесят шесть секунд. Эти минуты и секунды мы как бы искусственно присвоили. За двадцать два високосных года в жизни Иностранца такого «присвоенного» времени набирается шестнадцать часов, двадцать восемь минут и тридцать две секунды.

Иностранец прожил не ровно восемьдесят восемь лет, а восемьдесят восемь лет сто двенадцать дней. Дополнительное время, набравшееся за эти сто двенадцать дней, не учитывается в високосных годах, таким образом, каждый день следует считать не ровно по двадцать четыре часа: это двадцать четыре часа плюс почти минута, то есть сто двенадцать дней оказываются длиннее на шесть тысяч четыреста двадцать секунд, или один час сорок семь минут. Поэтому от шестнадцати часов двадцати восьми минут тридцати двух секунд отнимаем один час сорок семь минут, получаем «лишние» *четырнадцать часов сорок одну минуту тридцать две секунды*.

Иностранец говорил Цзиньчжэню, что родился в полдень; умер он в десятом часу вечера. Следовательно, к четырнадцати часам сорок одной минуте тридцати двум секундам можно

смело прибавить часов десять, вот и выйдет один «лишний» день. Так Цзиньчжэнь мерялся силами с високосными годами – из-за них он недосчитался двадцати двух дней, а теперь отво-
евал один день обратно.

Мастер Жун рассказывала, что этот случай поразил их с отцом: упорство, погружение мальчика в исследуемый предмет вызывало умиление и восхищение. Через несколько дней Цзиньчжэнь удивил их еще больше. Как только мастер Жун вернулась вечером домой, мать с кухни крикнула ей подняться скорее в комнату Чжэнь-ди – отец уже там и зовет ее тоже прийти посмотреть. Мастер Жун спросила, что случилось, мать сказала: Чжэнь-ди, кажется, изобрел какую-то математическую формулу, такую, что отец глазам не верит.

Итак, Иностранец прожил восемьдесят восемь лет сто двенадцать дней, и эти сто двенадцать дней не попадают в расчет по високосным годам; если мы условимся каждый день считать ровно по двадцать четыре часа, у нас останется неучтенное время длиной в один час сорок семь минут, то есть шесть тысяч четыреста двадцать секунд. Запишем их как мнимую величину: -6420 сек. Таким образом, когда наступает первый високосный год, мнимая величина равна уже $(-6420 + 2696)$ сек., где 2696 секунд – мнимая величина самого високосного года, то есть 44 минуты 56 секунд. Ко второму високосному году мнимая величина достигает $(-6420 + 2 \times 2696)$ сек., и так далее до двадцать второго високосного года: $(-6420 + 22 \times 2696)$ сек. Всего двадцать три строки стройной арифметической прогрессии:

– 6420
– $6420 + 2696$
– $6420 + 2 \times 2696$
– $6420 + 3 \times 2696$
– $6420 + 4 \times 2696$
– $6420 + 5 \times 2696$
– $6420 + 6 \times 2696$
.....
– $6420 + 22 \times 2696$

Отсюда Цзиньчжэнь самостоятельно вывел формулу суммы членов арифметической прогрессии:

$$X = [(1\text{-я величина} + \text{последняя}) \times \text{количество величин}] / 2^{16}$$

Проще говоря, он изобрел эту формулу...

[Далее со слов мастера Жун]

Допустим, сама формула не настолько сложная, чтобы ее нельзя было изобрести, теоретически ее может вывести каждый, кто умеет считать. Поразительно то, что он, ничего не зная о прогрессиях, вообще додумался ее выводить. Если я закрою вас в темной комнате и подробно опишу вещь, которую надо там найти, то вы, скорее всего, отыщете эту вещь, даже если в комнате будет ни зги не видно: всего-то и нужно, чтобы голова могла думать, ноги – ходить, а руки – щупать. Но если я не скажу, что искать, вероятность, что вы принесете мне именно то, что нужно, ничтожно мала.

Ладно бы это была простая арифметическая прогрессия, вроде «1, 3, 5, 7, 9, 11...», мы бы еще поняли, мы бы не так сильно изумились – но она такая сложная, запутанная! Представьте, что вы сами, без чужих подсказок смастерили какую-нибудь мебель. Конечно, мебель делали и до вас, но мы все равно восхитимся вашим умом и талантом. Если же и инструмент, и материалы вам попались вшивые – инструменты заржавели, вместо древесных плит – нераспиленное дерево, а мебель у вас все равно вышла отличная, мы восхитимся вдвойне. Чжэню достались

¹⁶ Стандартная запись формулы: $S_n = [(A_1 + A_n) \times n] / 2$. (Примеч. автора.)

цельное дерево и каменный топор... Понимаете теперь, как мы поразились? В это сложно было поверить, просто в голове не укладывалось!

Мы подумали, что в младшей школе ему делать нечего, и папа решил отправить его в среднюю школу при университете Н. Школа была в двух шагах от нашего дома, и, если бы мы выслали его в общежитие, его бы это сильно ранило, может, даже больше, чем если бы мы попросту его бросили. Так что папа оставил его у нас дома. Так он и жил с нами до тех пор, пока не начал работать... [*Продолжение следует*]

Дети любят давать друг другу клички. Стоит однокласснику хоть в чем-то оказаться непохожим на других, ребята награждают его прозвищем. Поначалу из-за большой головы Цзиньчжэня прозвали Башкой. Мало-помалу проявились его странности: например, если он видел вереницу муравьев, тут же принимался с упоением их считать; зимой повязывал на шею какой-то жуткий шарф из собачьей шерсти – говорили, шарф этот достался ему от Иностранца; на уроках не мог сдерживать ни газы, ни отрыжку, класс уже не знал, смеяться им или плакать; домашние задания всегда делал в двойном объеме, сначала на китайском языке, потом на английском; словом, казался чудным, дурачком. При этом учился он превосходно и баллы зарабатывал чуть ли не выше, чем у всех одноклассников, вместе взятых. Поэтому кто-то придумал для него новую кличку – Гений-дурачок. В этой кличке отразились и его таланты, и его поведение, она и стыдила, и превозносила его, в ней заключались и издевка, и восхищение; все сочли, что прозвище подходит ему как нельзя лучше. Так оно и к нему и пристало.

Гений-дурачок!

Гений-дурачок!

Пятьдесят лет спустя, когда я наводил о нем справки в университете Н., многие не понимали, о каком Цзиньчжэне речь, но стоило мне упомянуть Гения-дурачка, как люди тут же его вспоминали – вот как укоренилась в их памяти кличка. Вот что мне рассказал старый учитель, который был когда-то классным руководителем Цзиньчжэня:

«Хорошо помню один случай: на перемене кто-то увидел в коридоре муравьишек и позвал Цзиньчжэня, мол, ты же у нас любишь считать муравьев, а ну-ка, сосчитай, сколько их тут. Я сам видел: Цзиньчжэнь подошел и буквально за несколько секунд сосчитал сотню с лишним ползающих туда-сюда насекомых! А еще как-то раз он взял у меня книгу – «Словарь пословиц-чэньюев» и через несколько дней вернул. Я говорю: оставь себе, изучай¹⁷, а он мне: не надо, я уже все выучил. Он и вправду все чэньюи в книге запомнил наизусть! Уж сколько у меня было учеников, а второго такого я не встречал – настолько же талантливого, влюбленного в учебу. Обычные люди и мечтать не смеют о подобной памяти, воображении, наблюдательности, умении так ловко считать, оценивать, делать выводы, резюмировать, о таких феноменальных способностях. Ему бы сразу идти учиться в старших классах, но директор не разрешил – кажется, господин Жун был против».

Господин Жун – это Лилли-младший.

Против он был по двум причинам. Во-первых, Цзиньчжэнь прежде жил в собственном изолированном мирке, и теперь ему необходимо было влиться в общество, чаще бывать со сверстниками; если поместить его в среду подростков куда старше его самого, это пагубно скажется на и без того замкнутом характере мальчика. Во-вторых, от Лилли-младшего не ускользнуло, что Цзиньчжэнь часто творит глупости: втайне от него и учителей пытается заново решить уже давно решенные научные вопросы, доказать то, что уже доказано, видимо, от слишком большого ума. Лилли-младший полагал, что ребенку с таким горячим стремлением к познанию требуется постигать мир постепенно, углубляясь шаг за шагом, чтобы в будущем не растратить впустую талант на исследование того, что уже изучено вдоль и поперек.

¹⁷ Знание чэньюей считается признаком образованности.

Однако вскоре выяснилось, что учителя с ним не справляются: своими трудными вопросами он часто ставил их в неловкое положение. В конце концов, Лилли-младшему пришлось прислушаться к педагогам и перевести Цзиньчжэня сначала на один класс выше, затем еще на один, и еще, так что к тому времени, когда его бывшие одноклассники перешли в старшие классы, он уже окончил школу. Несмотря на юный возраст, на вступительном экзамене в университет он набрал высший балл по математике, в рейтинге по общему количеству баллов среди абитуриентов провинции оказался на почетном седьмом месте и без труда поступил в университет Н. на математический факультет.

6

Слава математического факультета университета Н. вышла далеко за пределы города. Одно время факультет называли «колыбелью математиков». Пятнадцать лет назад, когда в некоем приморском городе известного литератора родом из Ч. подкололи его «провинциальным» происхождением, тот, по слухам, сказал:

– Уж каким бы ни был наш город Ч., по крайней мере, у нас есть замечательный университет Н. Даже если когда-нибудь университет придет в упадок, останется математический факультет, один из лучших в мире. Ну что, неужто и над ним посмеетесь?

Уже по этим словам, пусть и сказанным в шутку, видно, какой славы добился факультет!

В день, когда у Цзиньчжэня начались занятия в университете, Лилли-младший подарил ему блокнот, написав на титульном листе:

Захочешь стать математиком – помни, ты у верной двери. Не захочешь – не открывай эту дверь. Ты уже знаешь о математике столько, что хватит на всю жизнь!

Быть может, Лилли-младший раньше всех разглядел скрытый в молчаливом Цзиньчжэне редкий, восхитительный дар и первым выразил надежду и уверенность, что Цзиньчжэнь станет ученым-математиком. Дарственная надпись на блокноте служит лучшим тому доказательством. Лилли-младший не сомневался: чем дальше, тем больше людей увидят то же, что и он, убедятся, что Цзиньчжэню суждено быть математиком. Он, однако, полагал, что талант Цзиньчжэня заметят не сразу – лишь через год или через пару лет непрерывной учебы его необыкновенный дар засверкает всеми красками.

Но на деле оказалось, что взгляды Лилли-младшего чересчур консервативны: иностранный профессор Леон Залеский разглядел способности Цзиньчжэня всего за две недели.

– Кажется, университет Н. снова взрастит математика, – сказал он Лилли-младшему. – Большого математика, какого эти стены еще не видали.

Он говорил о Цзиньчжэне.

Леон Залеский был ровесником двадцатого века: он родился в 1901 году в семье польских дворян. От матери-еврейки он унаследовал типично еврейскую внешность: покатый лоб, орлиный нос, курчавые волосы. Говорили, что и мозг у него был еврейский; он обладал феноменальной памятью, острым умом и уровнем интеллекта на несколько порядков выше, чем у обычных людей. В четыре года Залеский всерьез увлекся интеллектуальными играми, освоив всевозможные виды шахмат и шашек, и к шести годам играл так хорошо, что никто в округе больше не осмеливался садиться с ним за шахматную доску. Те, кому довелось увидеть его за игрой, говорили: среди загадочного еврейского народа вновь родился редчайший гений!

В четырнадцать лет Залеский, придя с родителями на свадебный банкет в знатном доме, познакомился с четой Слодовских. Слодовский был всемирно известным математиком и в то время занимал пост председателя математического общества при Кембриджском университете. Кроме того, он был признанным чемпионом по шахматам. Когда Залеский-старший рассказал о своей мечте – отправить сына на учебу в Кембридж, математик надменно сообщил, что попасть в университет можно лишь двумя способами: первый – пройти по результатам ежегодного вступительного экзамена; второй – участвовать в соревнованиях, которые устраивает Британское королевское физико-математическое общество (по нечетным годам соревнуются претенденты-математики, по четным – физики). Занявшие первые пять мест поступают в Кембриджский университет без экзаменов и учатся бесплатно. Тут вмешался юный Залеский: я слышал, вы чемпион мира по шахматам; сыграем партию, если я выиграю, примете меня в университет без экзаменов? Согласен, ответил математик, но только на одном условии: раз уж

ты назначил себе такой большой приз, я назначу столь же высокую цену, иначе будет несправедливо. Тогда прошу вас назначить цену, сказал Залеский. Если ты проиграешь, сказал математик, никогда не будешь поступать в Кембридж. Слодовский думал, что условие отпугнет юнца, но по-настоящему испугался только его отец. Отцовские уговоры поколебали решимость Залеского, но в конце концов он твердо ответил:

Идет!

Под взглядами гостей соперники расставили на доске шахматные фигуры. Через полчаса математик встал и улыбнулся Залескому-старшему: в следующем году жду вашего сына в университете.

Вы же еще не доиграли партию, сказал тот.

Сомневаетесь в моем суждении? спросил математик. Обернулся к своему сопернику: как думаешь, сумеешь меня обыграть?

Вероятность победы – тридцать процентов, ответил юный Залеский. Вероятность проигрыша – семьдесят.

Так и есть, подтвердил математик, а раз ты понимаешь это, значит, остается еще шестьдесят, а то и семьдесят процентов вероятности изменить ситуацию. Недурно, мы еще сыграем с тобой в Кембридже.

Десять лет спустя австрийский «Математический вестник» включил двадцатичетырехлетнего Залеского в список самых ярких молодых математиков современности. На него обратил внимание сам Джон Филдс, математик с мировым именем. В 1924 году на седьмом Международном математическом конгрессе Филдс предложил учредить специальную премию за выдающиеся заслуги в математике и уже тогда упомянул Залеского. Премию учредили на девятом конгрессе и в память о знаменитом канадском ученом назвали ее Филдсовской...

Среди сокурсников Залеского была австрийка из императорской семьи. Она без памяти влюбилась в молодого математического гения, но тот, казалось, оставался к ней равнодушен. Однажды к Залескому приехал отец австрийки. Он, конечно, не мог просто взять и попросить Залеского жениться на его дочери; он заговорил о том, что давно хочет возродить науку в Австрии, и спросил молодого ученого, согласен ли тот помочь ему осуществить эту мечту. Залеский поинтересовался, какая требуется помощь. Австриец сказал: я выделяю деньги, вы набираете людей, и мы создаем научно-исследовательский центр. Залеский спросил: какую сумму вы готовы выделить? Австриец заверил: у вас будет столько денег, сколько вам нужно. Залеский провел в раздумьях две недели. С помощью математической логики он просчитал свое будущее, как шахматную партию, и при любом раскладе выходило, что у «австрийского Залеского» больше шансов на победу в игре, чем у «кембриджского» или какого-либо другого.

Он отправился в Австрию.

Многие думали, что с переездом он «убьет двух зайцев»: получит и деньги отца, и любовь дочери, другими словами, преуспеет сразу на двух фронтах, построит и карьеру, и семью. Однако Залеского интересовала только карьера; пользуясь поистине безграничными финансовыми ресурсами, он основал в Австрии научно-исследовательский институт высшей математики, собрал под своим крылом немало одаренных математиков того времени и среди них лично выбрал себе замену – подходящего мужа для влюбленной в него австрийки. Пошел слух, что он гей. Были тому и другие косвенные доказательства. Например, он никогда не нанимал на работу женщин, даже секретарь у него был мужчиной. Все статьи о нем в австрийских газетах писали журналисты мужского пола, при этом журналисток, которые хотели бы взять у него интервью, было даже больше, вот только они каждый раз уходили от него несолоно хлебавши. Кто знает, может, и вправду дело было в его *«тайных пристрастиях»*...

[Далее со слов мастера Жун]

Залеский приехал к нам, кажется, весной тридцать восьмого в качестве приглашенного профессора. Не исключено, что он искал новые таланты для своего института. Кто же знал, что

буквально за несколько дней в мире все так переменится. По радио объявили, что Гитлер ввел в Австрию войска; Залеский остался в университете Н., решил переждать смуту. Но дождался он только письма от одного друга из Америки. В письме говорилось, что Европа меняется на глазах, Австрию, Чехословакию, Венгрию, Польшу запленили флаги немецких нацистов, евреи спасаются бегством, а тех, кто не успел уехать, хватают и отправляют в концлагеря. Делать было нечего, пришлось Залескому задержаться у нас, преподавать и поджидать удобного случая, чтобы уехать в Штаты. Однако в то время, буквально за какую-то ночь, и в самом Залеском, в его чувствах (а может, в теле) произошли странные, необъяснимые перемены: он вдруг начал живо интересоваться университетскими *девушками*. Такого с ним прежде не случалось. Он был точно причудливое дерево, которое на новой почве зацвело по-новому и принесло неожиданные плоды. Мысли об отъезде отошли на второй план, уступив место *любковному настроению*, и два года спустя сорокалетний Залеский женился на преподавательнице физики младше его на четырнадцать лет. Отъезд отложили, думали, что ненадолго... оказалось, на десять лет.

Коллеги заметили: с тех пор, как Залеский обосновался в университете Н., он все больше становился похож на «настоящего мужчину» и все меньше – на одаренного математика. Возможно, его прежний необыкновенный талант как бы компенсировал в нем недостаток мужественности, а когда в этой компенсации пропала нужда, пропал и талант. Случилось это по его собственному желанию или по воле Бога – вряд ли он сам мог бы на это ответить. Все знали, что до приезда к нам он написал двадцать семь важнейших научных статей, после приезда – ни одной. Зато он стал отцом. Талант словно рассеялся в женских объятиях, расплавился, превратился в славных деток. На Западе снова заговорили о «загадочном Востоке», который удивительным образом «переделал» удивительного человека, как, когда – непонятно, но результат налицо.

Хотя гениальность и растворилась в семейном счастье, за кафедрой Залеский по-прежнему не знал себе равных. В некотором смысле, как раз потому, что Залеский больше не был гением, он постепенно превращался в опытного, преданного своей работе профессора. Он проработал у нас лет одиннадцать, и учиться у него считалось большой честью (а еще – отличным началом карьеры). По правде говоря, те наши выпускники, которые теперь стали крупными учеными и известны во всем мире, по большей части его бывшие студенты. Но учиться у него было не так-то просто. Во-первых, ты должен был владеть английским (от немецкого он отказался), во-вторых, он не разрешал писать на лекциях конспекты, в-третьих, у него была привычка: объясняя тему, он мог оборвать лекцию на середине или даже нарочно ошибиться и сказать об этом только через пару дней – и то если вспомнит. Уж сколько студентов-среднячков меняло специальность, а то и вовсе бросало учебу из-за этих его жестоких шуточек! Он любил повторять: *одна ошибочная идея вернее любой безошибочной контрольной*. Другими словами, он добивался, чтобы ты напрягал мозг, развивал воображение, творческое начало. В начале каждого учебного года он так обращался к первокурсникам:

– Я зверь, а не дрессировщик, – говорил он, мешая английскую и китайскую речь, – я буду гонять вас по склону горы, а вы будете от меня убегать. Побежите быстро – и я ускорюсь, побежите медленно – и я замедлюсь. Главное, чтобы вы все время бежали, храбро мчались вперед и никогда не останавливались. Если остановитесь – нашей с вами гонке конец. Если вам удастся убежать в лес, скрыться от погони – тоже. Только в первом случае в дураках останетесь вы, а во втором – я. Вот и посмотрим, кто кого в дураках оставит. А теперь – побежали!

Оставить его «в дураках» было, конечно, сложно, но уж если тебе это удалось, дальше все шло как по маслу. Каждый семестр он начинал с того, что писал в правом верхнем углу доски какую-нибудь каверзную задачу, и тот, кто смог ее решить, сразу получал зачет за полугодие, хочешь – ходи на пары, не хочешь – не ходи. Решил задачу – значит, в этом семестре ты от него «убежал». А он тем временем писал на доске новую головоломку. Если ты решишь три задачи, он задаст еще одну, последнюю, уже не всей группе, а только тебе одному. Эта задача будет

твоей выпускной работой. Если ты и с ней справишься, считай, что ты успешно прошел весь курс Залеского, окончательно от него «убежал», даже если проучился всего неделю. Правда, за без малого десятков лет таких случаев не было, даже те, кто мог решить хотя бы одну-две задачи, встречались редко, раз-два и обчелся... [Продолжение следует]

Из-за низкого роста Цзиньчжэнь, которому тогда было всего шестнадцать¹⁸ лет, сел в первом ряду и мог как следует рассмотреть светло-голубые глаза Залеского и их острый, лукавый взгляд. Профессор был высокий, а стоя на кафедре, казался еще выше. Смотрел он всегда на задние ряды; когда лекция увлекала его и громкий голос наполнял аудиторию, до Цзиньчжэня долетали его горячее дыхание и капельки слюны. Бодро вещая об абстрактных понятиях и сухих цифрах, он то вдруг восклицал, вскидывая кулак, то тянул слова нараспев, прохаживаясь взад-вперед – ни дать ни взять поэт или полководец. Проведя лекцию, он обыкновенно не задерживался, тут же спешил на выход. В тот раз, убегая, Залеский случайно обратил внимание на худенького коротышку в первом ряду – склонившись над листом бумаги, он что-то считал, да так увлеченно, будто сдавал экзамен. Через два дня Залеский, придя на второе занятие, поднялся на кафедру и спросил:

– Кто из вас Цзиньчжэнь? Поднимите руку.

Руку поднял тот самый коротышка с первого ряда.

Залеский помахал пачкой бумажных листков:

– Это ты подсунул их мне под дверь?

Цзиньчжэнь кивнул.

– В этом семестре можешь не ходить на мои пары, – сказал Залеский.

Аудитория забурила.

Наслаждаясь произведенным впечатлением, Залеский с улыбкой ждал, пока студенты успокоятся. Затем он повернулся к доске и снова написал на ней задачу с первой лекции, только на этот раз не в правом верхнем углу, а в левом.

– А теперь посмотрим, – объявил он, – как Цзиньчжэнь ее решил. И не из простого любопытства, а потому, что это тема сегодняшнего занятия.

Сначала он переписал на доску и разъяснил ход решения Цзиньчжэня, а затем показал, как можно решить ту же задачу тремя другими способами, чтобы студенты, сравнивая, узнали новое, увидели, что к верному ответу можно прийти разными путями. Так, на практике, была раскрыта тема лекции. В конце пары Залеский написал в правом верхнем углу доски новое задание.

– Надеюсь, следующее занятие пройдет так же, как сегодня, – сказал он, – мы разберем чье-то решение, и я подкину вам новую задачу.

Сказать-то сказал, только в душе Залеский понимал, как мала вероятность такого везения, запишешь числом – выйдет ноль целых и сколько-то десятых, округляем до целых: если цифра после запятой меньше пяти, при округлении получаем ноль – что-то было, и вот уже ничего не осталось, небо стало землей; если цифра после запятой равна или больше пяти, округляем до единицы – ничего не было, ноль, и вот уже что-то появилось, земля стала небом. Вот так легко небо и земля меняются местами, стоит только добавить или отнять одну десятую долю. Залеский и представить не мог, что простоватый, молчаливый паренек вдруг перевернет его представление о небе и земле: он-то смотрел на него и видел «землю», а оказалось – перед ним было «небо». Проще говоря, Цзиньчжэнь ловко разделался и со второй задачей!

Залеский написал на доске третью задачу и, обернувшись, обратился уже не ко всей аудитории, а к одному Цзиньчжэню:

– Решишь – дам тебе индивидуальное задание.

---

¹⁸ По старому китайскому исчислению.

Он имел в виду выпускную работу.

Шла первая неделя учебы Цзиньчжэня в университете, третье занятие у Залеского.

К началу четвертой пары новая задача все еще оставалась нерешенной. В конце лекции Залеский спустился с кафедры и подошел к Цзиньчжэню.

– Я уже приготовил для тебя выпускную работу, – сказал он. – Приходи за ней, как найдешь решение. – Договорив, ученый преспокойно зашагал прочь.

После свадьбы Залеский арендовал дом недалеко от университета, в переулке Саньюань, там он и жил вместе с семьей, однако его часто можно было застать и в прежней холостяцкой берлоге – в преподавательском общежитии, где на третьем этаже у него была комната с санузлом. В ней он читал книги, проводил исследования, словом, она служила ему кабинетом. В тот день после обеда математик слушал в комнате радио; время от времени из-за двери доносился звук шагов: кто-то поднимался по лестнице. Наконец этот кто-то остановился перед его дверью, но стука не последовало, зато что-то прошуршало, как будто в дверную щель заползла из коридора змейка. Залеский подошел посмотреть: на полу лежало несколько тетрадных листов. Он подобрал их и глянул на записи. Почерк был знакомый. Цзиньчжэнь! Преподаватель перевернул последнюю страницу и проверил ответ. Он был верным. Залеского будто кнутом огрели, он хотел уже выбежать в коридор, позвать Цзиньчжэня. Но, дойдя до двери, вдруг передумал, вернулся к дивану, сел и прочел записи от начала до конца. И снова его будто ударили невидимой плетью; он подскочил к окну. Цзиньчжэнь успел уже далеко уйти. Ученый открыл окно, громко окликнул его. Цзиньчжэнь обернулся. Криками и жестами Залеский приглашал его вернуться.

Цзиньчжэнь сел напротив.

– Ты кто?

– Цзиньчжэнь.

– Да нет, – засмеялся учитель, – я имею в виду: кто ты такой? Откуда родом? Где раньше учился? Лицо у тебя какое-то знакомое. Кто твои родители?

Цзиньчжэнь замялся.

– Точно! – вдруг воскликнул Залеский. – Я понял! Ты родня той статуи перед главным корпусом, ну то есть той Лилли, Абак Жун-Лилли! Ведь родня, да? Ты ей кто, сын, внук?

Цзиньчжэнь указал на тетрадные листки на диване.

– Я правильно решил? – невпопад спросил он.

– Ты мне еще не ответил, – сказал преподаватель. – Родня ты ей или нет?

– Вам лучше у господина ректора спросить, – неловко выкрутился Цзиньчжэнь, не подтверждая и не опровергая догадку Залеского. – Он мой опекун. Я сирота.

Цзиньчжэнь лишь пытался уйти от вопроса о его родстве с Жун-Лилли – запутанной темы, которой он не хотел касаться. Но Залеский вдруг засомневался и, в упор глядя на Цзиньчжэня, спросил:

– Раз так, скажи честно: ты эти задачи сам решил или тебе подсказывали?

– Сам! – твердо ответил Цзиньчжэнь.

Тем же вечером Залеский явился с визитом к Лилли-младшему. Увидев гостя, Цзиньчжэнь решил, что иностранный профессор пришел из-за сомнений в его, Цзиньчжэня, честности. На самом деле ученый отказался от своих подозрений сразу, как только их озвучил. Если бы кто-то ему помогал, думал Залеский, хоть ректор, хоть ректорова дочка, он совсем по-другому решил бы эти задачи. Когда Цзиньчжэнь ушел, наставник еще раз изучил листы с ответами. Причудливые ходы решения вызывали восхищение, и пусть в логике порой мелькало что-то по-детски наивное, в то же время острый ум и изобретательность юноши поражали. Поначалу Залеский не знал толком, как выразить свои мысли, но в разговоре с ректором постепенно нашел нужные слова:

– Мы будто посылаем его отыскать какую-то вещь в туннеле, а туннель такой темный, что протянешь руку – и уже пальцев не видно, да еще кругом одни развилки и западни, без света и шагу нельзя ступить. Значит, перед тем, как спускаться в туннель, надо подготовиться: можно взять с собой фонарь, светильник, факел, да хотя бы спичечный коробок. А он ничего из этого не берет – то ли не знает, что это за штуковины, то ли знает, но не может их сыскать – словом, ничего этого у него с собой нет, а есть одно только зеркало, и он под каким-то хитрым углом ловит им солнечные лучи, чтобы они освещали туннель... Как дойдет до поворота – опять крутит зеркало так, чтобы по-новому преломить луч. Свет все слабее, а он идет себе вперед и одну за другой обходит все ловушки. Что еще удивительнее, добравшись до развилки, он будто бы интуитивно знает, в какую сторону повернуть.

Впервые на памяти Лилли-младшего Залеский так кого-то превозносил. Мало кому удалось заслужить его одобрение, и Лилли-младшему непривычно и удивительно было слышать от него такую безоговорочную, горячую похвалу. А все же я первым обнаружил талант мальчика, подумал Лилли-младший, а ты, Залеский, только вторым. Ты только доказал то, что и без тебя было известно. Хотя, конечно, что может быть точнее доказательств самого Залеского? Коллеги погрузились в увлеченную беседу.

Но стоило им заговорить о планах на обучение Цзиньчжэня, как они тут же разошлись во взглядах. Профессор считал, что мальчик уже достаточно подкован в математике, учить его основам нет смысла и лучше бы перевести его на старшие курсы, а то и вовсе усадить за дипломную работу.

– Ну уж нет, – наотрез отказался Лилли-младший.

Мы знаем, что Цзиньчжэнь был холоден в общении, держался обособленно, у него был низкий социальный интеллект. С этим его недостатком, ловушкой, подстерегавшей его на жизненном пути, Лилли-младший боролся как мог. Молодому человеку, с его неумением общаться, робостью и необъяснимой враждебностью к посторонним, скорее пристало бы водиться с теми, кто младше него, чтобы он мог расслабиться. При этом он был самым юным студентом в группе. Лилли-младший понимал, что мальчик и без того сильно отдалился от сверстников, а взрослый круг общения еще больше испортит его характер. Впрочем, Лилли-младший не собирался объяснять это Залескому – тема как-никак деликатная, личная. Свое мнение он выразил так:

– У нас в народе говорят: «сталь требует закалки». Цзиньчжэнь – мальчик умный, но ему не хватает твердой теоретической базы. Ты сам только что сказал: уж сколько существует инструментов, бери и пользуйся, а он что же? Ловит журавля в небе и в упор не замечает синицу в руке. Вряд ли это нарочно, просто ему деваться некуда, а голь, как говорится, на выдумки хитра. Здорово, конечно, если можешь выкрутиться с зеркалом, вот только если он и дальше будет растрачивать талант на «зеркала», изобретать то, что не имеет практической значимости, – ну, станет он ненадолго местной диковинкой, а дальше-то что? Тут нужен индивидуальный подход, Цзиньчжэню сейчас самое время учиться, углублять знания. Пока как следует не освоишь то, что уже знакомо, не распознаешь важное в незнакомом... Слышал, ты в позапрошлом году привез с родины много редких книг. Я в прошлый раз хотел было одолжить у тебя парочку, но потом увидел на книжной полке табличку «*НЕТ, ПОЧИТАТЬ НЕ ДАМ*». Так я что думаю, может, сделаешь для Цзиньчжэня исключение? Ему это будет полезно, не зря же говорят: «в книгах кроются золотые чертоги».

– Ну уж нет, – наотрез отказался Залеский.

В то время по университету ходил слух о *двух чудаках* с математического факультета. Первым чудачком, вернее, чудачкой была профессор Жун Иньи (мастер Жун), которая вышла замуж за пачку писем, хранила им верность, а в сторону мужчин и не смотрела. Вторым чудачком считался иностранный профессор Залеский, оберегавший свои книжные шкафы, как женину честь. Так что Лилли-младший хоть и попросил профессора одолжить книги, но в

душе не верил, что тот согласится, понимал, *как мала вероятность такого везения, запишешь числом – выйдет ноль целых и сколько-то десятых; округляем до целых, и если цифра после запятой меньше пяти, при округлении получаем ноль – что-то было, и вот уже ничего не осталось.*

Поэтому когда однажды за ужином Цзиньчжэнь вдруг сказал, что профессор дал ему два тома и разрешил брать любые книги из его библиотеки, Лилли-младший вздрогнул: он-то думал, что обошел Залеского, а оказалось, это он его обскакал. Вот какое место занимал ученик в мыслях наставника – никому не сравниться! Какие бы Лилли-младший ни возлагал на Цзиньчжэня надежды, признание и чаяния Залеского далеко превосходили любые его ожидания.

7

Говоря о *двух чудаках*, стоит все же заметить, что чудачество мастера Жун было скорбно-величавым и вызывало уважение, Залеский же носился со своими книгами как с писаной торбой, чего никто не одобрял. А так как именно о том, что вызывает неодобрение, люди охотнее всего и сплетничают, причуда Залеского была куда известнее – кто только о ней не слышал. Все знали, что книгами он не делится, поэтому новость о том, что он подпустил кого-то к своей библиотеке, облетела весь университет. Уж если ты знаменитость, твои дела тоже на слуху – вот она, *взаимосвязь массы и энергии*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.